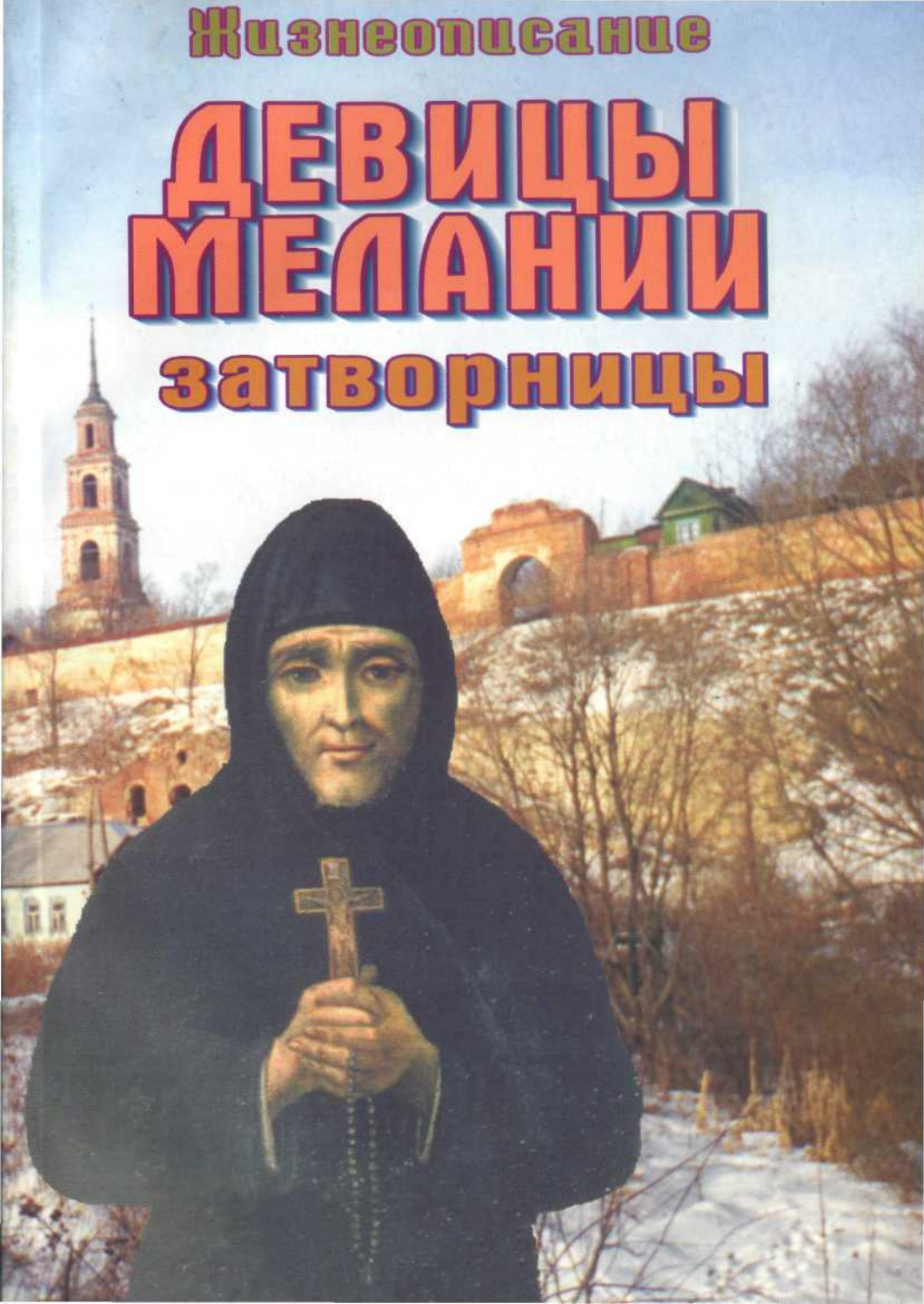
Жизнеописание

ДЕВИЦЫ МЕЛАНИИ

затворницы



ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

ДЕВИЦЫ МЕЛАНИИ,

ЗАТВОРНИЦЫ

ЕЛЕЦКОГО ЗНАМЕНСКОГО, НА КАМЕННОЙ ГОРЕ, ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь

2006

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО НИКОНА ЕПИСКОПА ЗАДОНСКОГО

© Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, 2006

ПРИМЕЧАНИЕ. Печатается по изданию второму, дополненному, Санкт-Петербург, 1873 г.

МЕЛАНІѢ, ЗАТВОРНИЦА

Елецкагѡ Знаменскагѡ, на Каменной горѣ, дѣвичьяго монастырѣ.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДЕВИЦЫ ЖЕЛАНИИ,

ЗАТВОРНИЦЫ ЕЛЕЦКОГО ЗНАМЕНСКОГО, НА КАМЕННОЙ ГОРЕ, ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ.

I.

Краткая история Елецкого женского монастыря на Каменной горе.

В Орловской епархии при городе Ельце находится уединенная Каменная гора. Она с южной стороны отделяется от города речкою Ельчиком, а с восточной и северной – сухим каменистым рвом, прозываемым "Сухой лучек". В прежнее время гора эта вся была покрыта лесом и привлекала своею тишиною любителей безмолвия, которые и селились на ее отлогости к востоку. Тут же в подгории, на малой каменной равнине к югу, бьет превосходный ключ холодной воды, которую древние иноки назвали святою.

Предание, подтверждаемое и письменными документами, говорит, что сначала здесь жили отшельники монахи, а в 1675-м году здесь был уже монастырь курской иконы Божией

Матери* с малыми келиями для монахов. Но не было приличного приюта для стариц-монахинь, которые, за неимением обители, с болезнью сердца и воздыханиями скитались по домам благочестивых жителей Ельца, и для слушания богослужения приходили то в ту, то в другую приходскую церковь г. Ельца. Такое грустное положение благочестивых стариц, между которыми в то время Иулитта была уже игуменьею, обратило на себя сердобольное внимание первого епископа Воронежского и Елецкого, ныне богопрославленного угодника Божия, святителя и чудотворца св. Митрофана. Проникнутый отеческою заботливостью о своей пастве, святитель Христов писал** о столь безотрадном положении Елецких монашествующих к царствовавшим тогда Иоанну и Петру Алексеевичам с сестрою их Софиею; а в 1683 году – монахинь с игуменьею Иулиттою, не имевших монастыря, св. Митрофан поместил в монастырь курской иконы Божией Матери, что на Каменной горе, а монахов из этого монастыря перевел в Елецкий Троицкий монастырь***.

Таким образом, 1683 год можно считать годом основания монастыря на Каменной горе, как обители женской.

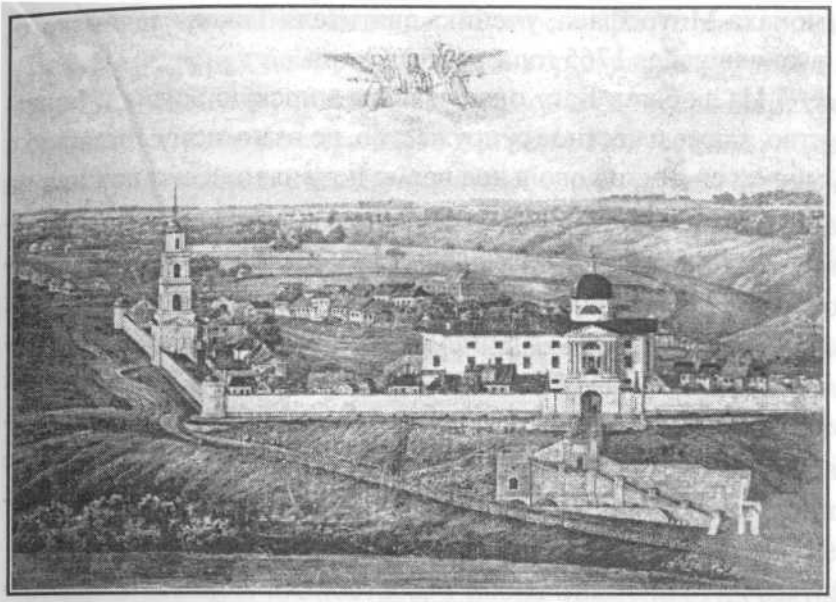
Столь милостивое архипастырское попечение святителя Митрофана о честных Елецких старицах свидетельствуется древними монастырскими актами и письменными документами, хранящимися в подлинниках в архиве елецкого уездного суда за 1697 год.

---

* Материалы для истории и статистики г. Ельца. Д. члена статистического комитета Ридингера, 1865 года.

** Там же.

*** Троицкий Елецкий мужской монастырь существовал с древних времён в г. Ельце; в 1775 году, по ветхости зданий, был переведён в г. Лебедянь, Тамб. епархии, и причислен к Лебедянскому Троицкому монастырю, а в 1831 году снова открыт в городе Ельце по-прежнему, перемещением штата из брянского Петропавловского монастыря. (Истор. росс. иерарх. ч. IV, стр. 83).



Изображение Елецкого женского монастыря Иконы Курской Божией Матери, что на Каменной горе

В этих документах ясно сказано об отдаче Царскою милостию, по ходатайству св. Митрофана, во владение старицам, игуменьи Иулитте с сестрами, не только одной Каменной горы с ее лесом, но еще 20-ти четвертей, пашни и прочих угодий в других окрестных пустошах. Величина тогдашнего их монастыря в этих документах показана: 3 сажени в ширину и 16 сажень в длину. Это пространство и теперь видно; оно покрыто могилами на оконечности горы. Там, на месте бывшей церкви* стоит теперь небольшой памятник, и близ него могила схимонахини Елизаветы, честной супруги схи-

---

* В упомянутых материалах для истории и статистики г. Ельца Н. Ридингера, на стр. 51-й пишется, что до пожара в этом монастыре были две церкви: одна во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построенная монахом Савватием, а другая во имя святителя Николая-чудотворца, построенная Шакловитым, гостем Григорием Шустовым и купцом Моисеем Росихиным.

монаха Митрофана, ученика святителя Тихона задонского, скончавшейся 1765 года, августа 1 дня.

Из любви к Богу она оставила мирскую жизнь и богатство, также и честное супружество, по взаимному согласию с мужем своим, и довольное время подвижнически пожила на Каменной горе. Общий голос, хотя и по отдаленному преданию, удостоверяет о схимонахине Елизавете, что она была весьма благочестивой жизни. В то время вокруг Каменной горы был пустынный лес, в котором часто укрывались беглые солдаты и разные бродяги: они приходили иногда к дверям келии схимонахини Елизаветы, требуя себе пищи. Она же, милосердствуя о ближних, не страшилась их, как опасных людей, но с кротостью, как братьям, подавала им хлеб и овощи, по заповеди Христовой: просящему у тебе дай (Мф. 5, 42).

По кончине сей благочестивой схимонахини Елизаветы, задонский подвижник Никандр Алексеевич Бехтеев возымел столь великое уважение к добродетельной ее жизни, что по просьбе его, благословением святителя Тихона, над ее могилою, на Каменной горе, был устроен памятник в виде высокого красивого столпа с прекрасным фонарем на верху, внутри которого пред малым Распятием теплилась неугасимая лампада*. Утвержденный благословением святителя Митрофана и одаренный царскими милостями великих Государей Иоанна и Петра Алексеевичей, этот первый женский монастырь на Каменной горе продолжал существовать около ста лет, в благоустроенном порядке и изобилии**.

---

* Памятник этот, по приказанию Орловского епископа Никодима, был снять 1847 года и заменен обыкновенною чугунною с надписью доскою, которая и доселе скромно покрывает эту достопамятную могилу.

** Это можно видеть из подписи богослужебных книг, сохранившихся доныне. В книгах Минеи февральской и июльской 1696 года сделана надпись рукою некоего подьячего Ивана Савельева, сына Коротиева, по прошению игуменьи Иулитты, что она мирским подаянием выменяла эти книги для своего монастыря Знамения Пресвятой Богородицы, что на Каменной горе. А это приобретение тогда дорого стоило, и по редкости печатных книг, и по скудости денег.

Но, попущением Божиим, 12 апреля 1769 года в городе Ельце вспыхнул пожар, почти весь город сгорел, сгорели и многие храмы. Не устоял и женский монастырь от силы разъярившегося и все пожиравшего пламени. Испуганные, но заботливые в самом страхе инокини, с опасностью собственной жизни, успели спасти только некоторую утварь церковную, и были свидетельницами, как в обгорелом их храме святом остались целы и невредимы среди пламени три св. иконы: Спаса Вседержителя, Троеручицы Божией Матери и Знамения Пресвятой Богородицы курской, которая и прежде признавалась чудотворною. Эти все три св. иконы одинакового размера – большие. Теперь они стоят в летнем храме, украшенные сребропозлащенными ризами и привесами. Две из них, Спаса Вседержителя и Троеручицы Божией Матери, местные в главном иконостасе, а икона Знамения Пресвятой Богородицы – на левой стороне, в трапезной; она переносится в зимнюю церковь на все время совершения там богослужения. Есть и еще достопримечательные две св. иконы святителя и чудотворца Николая Можайского. Первая найдена после пожара расколотою, но не сгоревшею. Ныне она в сребропозлащенной ризе стоит в киоте в главном храме за левым клиросом. Вторая долго оставалась обгорелою и ветхою, но в недавнее время, почти через сто лет после пожара, очищена заново и украшена серебряною ризою. Эту икону, по усердию, многие берут в дома свои, также выносят ее и в крестные ходы, которые несколько раз в год совершаются по монастырю и вокруг него, и на св. колодезь, что у подошвы Каменной горы. Вскоре после случившегося пожара, распоряжением епархиального епископа Тихона II, преемника святителя Тихона Задонского, который в то время пребывал на покое в Задонской обители, повелено было оставшимся без приюта штатным монахиням и послушницам погоревшего

елецкого женского монастыря, что на Каменной горе, переместиться в Воронежский женский монастырь, что и было тогда же исполнено ими. Остались только на своем родном пепелище две боголюбивые старицы – 60-летняя Ксения и 80-летняя Агафия, усердные рабы Христовы. Они решились лучше жить под открытым небом, нежели оставить свое возлюбленное уединение.

Услышав о такой тяжкой скорби, постигшей город Елец, святитель Тихон из Задонска прислал схимонаха Митрофана посетить скорбящих граждан и нуждающимся подать тайную милостыню, также и на Каменной горе приказал посетить убогих стариц, Ксению и Агафию, и утешить их упованием на Бога и милостынным подаянием. Тогда старицы, собрав св. иконы и книги, показывали их схимонаху Митрофану, которого весьма любили и уважали о Господе, как отца духовного. А схимонах Митрофан от лица святителя Тихона ободрял и утешал их надеждою, что это св. место, избранное Господом для водворения иночествующих, не будет в запустении, но в скором времени обновится благодатью Божиею.

И это, действительно, сбылось молитвами святых угодников Божиих и честных стариц, почивающих на оном месте*.

Сначала старица Ксения устроила себе и Агафии малую келию из каменного погреба, а потом дожила и до того времени, когда выстроился новый храм Божий, малый деревянный, выстроились и другие келии на том же месте, где была погоревшая обитель. С тех пор старицы укрепились верою, и, в надежде на помощь и заступление Пресвятой Девы Богородицы, решились тут жить.

---

* Предание сохранило нам досточтимые имена: настоятельниц старого монастыря, игумений Матроны, Веры, Капитолины и Иулиты, также казначеи Вассы и схимонахинь Феклы и Проклы, как особенно замечательных по благочестию. Все они погребены на том же малом пространстве, несколько выше могилы схимонахини Елизаветы.

Жители города Ельца и пришельцы посещали Каменную гору. Немало удивлялись они мужеству отшельниц и всегда желали возобновить св. обитель, и хотя, по расстройству от бывшего пожара, не могли скоро подать единовременную помощь, но с благоговейным упованием на Бога, никогда не забывали тамошних тружениц посильным подаянием милостыни.

Крепкое упование благочестивых отшельниц на помощь Божию не посрамило их, и теплые их молитвы вскоре были услышаны Господом. Вот что говорит об этом устное предание. В одну летнюю ночь старица Ксения вышла из своей подземной келии и с молитвою пошла на место бывшего храма Божия, чтобы в безмолвии усерднее помолиться и излить свою душу пред единым Сердцеведцем-Господом.

Долго она молилась и плакала на месте сгоревшего святого престола, где еще так недавно приносилась безкровная жертва о спасении всех живущих на земле и о прощении грехов благочестно почивших. Вдруг она ощутила необыкновенное веяние благодати в сердце своем. Объятая благоговейным трепетом и радостию, она стала громко звать сотрудницу свою Агафию. Та вышла из келии, и им обеим представилось чудное явление: озаренный божественною славою, какой-то всадник простер руку на то место, где была сгоревшая обитель, осенил ее благословением и сказал: "Буди имя Господне благословенно на месте сем отныне и до века!" Прибавив к тому, что он – мученик Христов, Иоанн-воин, стал невидим. Старицы поклонились Господу Богу и прославили святое и великое имя Его, веруя, что все Ему угодное будет, по человеколюбию и всемогуществу Его, исполнено. Также и святому мученику Иоанну-воину воздали они честь и благодарение за обещанные им милости Божии, и, радуясь о преславном видении, ожидали помощи свыше для возобновления святой обители.

В те времена, как светило дня, сиял для верующих, исполненный божественной премудрости и дел благих, светильник веры, наставник спасения, утешитель скорбящих, живший на покое в Задонском монастыре, святитель Христов Тихон. Его-то боголюбивому сердцу Господь внушил попещись о возобновлении погоревшего елецкого женского монастыря на Каменной горе следующим образом.

Весною 1770 года Елецкая уроженка, девица Матрона Ивановна Солнцева*, пожившая довольное время в Воронежском женском монастыре, пошла в Елец повидаться с отцом, и на пути зашла к святителю Тихону в Задонск принять его благословение. Святитель благословил ей остаться в Ельце на Каменной горе, и предрек, что молитвами почивших там стариц монастырь возобновится.

Матрона на месте сгоревшего женского монастыря нашла одну только убогую келию, где жила старица Ксения; сотрудница же ее Агафия уже отошла ко Господу. Эта келия, как выше сказано, сделана была из каменного погреба, покрытого дубовыми ветвями, смазанными глиною. Ксения сама сложила печь и сделала дверь также из дубков. Увидев скорбную жизнь Ксении, Матрона смутилась. Кроме того, Ксения рассказала ей о притеснениях со стороны крестьян, бывших прежде монастырскими, но потом поступивших в другое ведомство, что они отнюдь не желают возобновления монастыря, а тужат только о храме Божием, и желают иметь свой приходской храм, а что некоторые из них и вновь поселились здесь и свободно завладели монастырскими выгонами и огородами и прочею землею; и что, если бы не особая помощь Божия соблюдала отшельниц, то выгнали бы и их оттуда.

---

* Матрона Ивановна Солнцева сначала обучалась в Воронежском женс-ком монастыре грамоте и золотошвейному искусству, которым занималась и после. Есть много прекрасных работ её в церкви Знаменского монастыря и в ризнице.

Услышав это, Матрона не решилась остаться на Каменной горе, а пошла опять в Воронеж. На пути снова зашла в Задонск и объяснила святителю Тихону причину, почему она не осталась в Ельце. "Пощади, батюшка, святитель Христов, – говорила она, – оттуда монахинь перевели всех до одной в Воронеж, а ты, батюшка, меня из благоустроенного монастыря туда выводишь на пепелище! Я еще не старых лет"*. "Жаль, Матрона, – сказал святитель, – что ты не послушалась меня и не осталась в Ельце, ты и сама пожалеешь об этом". И действительно, по возвращении в Воронеж, Матрона сделалась больна и полтора года пролежала в постели. Признавая в своей болезни наказание Божие за ослушание святителя Тихона, она дала обещание, если выздоровеет, исполнить волю святителя. Вскоре после ее обещания, болезнь прошла, и Матрона с другою послушницею Екатериною**, которая была старше ее годами, отправилась в Задонск и, испросив благословение святителя Тихона, поселилась в Ельце на Каменной горе, на месте бывшего монастыря, вместе со старицею Ксениею, которая в это время с помощью Божиею имела уже свою деревянную келию. Это было в 1772 году. В тоже время, по просьбе святителя Тихона, Елецкий купец Конон Никитич Кожухов выстроил для Матроны с Екатериною особую келию.

Около них, как пчелы, начали собираться искавшие спасения сестры. Матрона, впоследствии монахиня Олимпиа-

---

* Матрона родилась 1748 года, марта 25 дня. В это время ей было 22 года. Потом, когда г. Елец был уже причислен к Орловской епархии, Матрона, по указу из орловской духовной консистории, вследствие резолюции Орловского епископа Досифея, 1815 года, ездила в Севский Троицкий женский монастырь, и там приняла рясофорное пострижение с именем Маргариты. А 1823 году, по открытии монастыря в г. Ельце на Каменной горе, была удостоена пострижения в мантию, с переименованием Олимпиадою. Но, по старости её лет, игуменский жезл не был ей вручён, и она уже дожила свой век на покое в сооружённом ею монастыре.

** Екатерина Филипповна Уварова родилась в 1740 году, в г. Липецке, в монашестве Евпраксия.

да, выстроила, при помощи Божией и пособии святителя Тихона, сначала маленькую деревянную церковь на месте, где ныне почивает затворница Мелания, во имя Знамения Пресвятой Богородицы, в честь Ее чудотворной иконы Курской, не сгоревшей, как выше сказано, в пожаре 1769 г.

Святитель Тихон навещал иногда, бывая в Ельце, Каменную гору и смиренных ее отшельниц руководил своими советами и наставлениями к духовной жизни. Между тем, убеждал и честных граждан Елецких не оставлять тружениц в житейских нуждах, но помогать им для пользы души своей. Почитатели святителя Тихона слушались его благоговейно, принимали его внушения и считали своею священною обязанностью помогать отшельницам.

Впоследствии доказал это один из богатейших елецких граждан, Иван Васильевич Шапошников, обеспечив ныне существующий Знаменский женский монастырь штатным жалованьем на свой собственный счет, положив 12 тыс. рублей серебром в государственный банк, и исходатайствовав ему в 1823 году от Императора Александра Благословенного утверждение в третьем классе. В часы искушений различными скорбями, святитель Тихон для обители являлся со своею особенною помощью, и благодатною силою своей молитвы ограждал и ныне ограждает живущих в монастыре от уныния. Он часто являлся ангелом утешителем, и во время недостатков их посылал им нужное для пищи и тепла. Однажды в зимнее время, за неимением дров, Матрона хотела изрубить половицу и ею истопить печь. Святитель Тихон послал схимонаха Митрофана купить им дров, и он доставил им дрова в такой крайней нужде.

При умножении сестер на Каменной горе, Матрона тяготилась тем, что это нарушало ее безмолвную жизнь, и не давало ей способа, как ей казалось, жить по наставлениям

святителя. Она хотела было оставить это место и поехала в Задонск просить благословения святителя; но, переезжая Дон на лодке, едва не утонула и возвратилась на свое место*.

Об этом случае есть предание, что святитель Тихон сам явился на помощь утопавшей Матроне и, выхватив ее из реки Дона, поставил на берегу. А перед тем, выходя из своей молитвенной келии, он приказал послушникам согреть самовар, сказав, что придут Елецкие старицы и надо обогреть их. Старицы Елецкие ценили благодеяния святителя Тихона, и имели к нему веру и послушание: ни одна не вступила на жительство на Каменную гору без его благословения. Когда встречались им скорби и искушения, они всегда поведали о них святителю, как отцу и наставнику своему.

Святитель Тихон наименовал Олимпиаду (бывшую Матрону) начальницею монастыря, а Евпраксию (бывшую Екатерину) ее помощницею. Сам передавал им начальные правила монашеской жизни и правила благоустроения церковного по чину монашескому. И все, основанное им, по милости Божией, и доселе соблюдается, а именно: 1) неусыпаемое чтение Псалтири во весь год, кроме Светлой седмицы, о упокоении душ всех православных христиан, и наипаче поживших и послуживших во святой обители сей и о благотворителях ее; 2) не посылать никуда для сбора ни по каким нуждам, а иметь упование на Бога и от Него единого ждать себе помощи. Когда же есть особые нужды, сказывать о том своим гражданам и кому Бог внушит подать потребное, принимать с благодарностью, хотя бы то и незначительное подаяние было. Доброхотна бо дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7), и благодарящему дарование умножается..." говорил святитель. Посетив в

---

* Обстоятельства, касающиеся св. Тихона, выбраны из рукописного жития его, хранящегося в церковной библиотеке Елецкого Знаменского женского монастыря, и из вновь изданного 3-им изданием, 1863 года, стр. 200–202.

1779 г., в последний раз, любимый город Елец, святитель Тихон посетил и Каменную гору и, увидя население ее цветущее начатками иноческих подвигов, благословил всех и каждую, потом обошел гору, остановился на месте нынешнего храма и назначил тут быть его построению. Наконец ходатайствовал у городских властей, чтобы отшельницы могли покойно жить на Каменной горе, и чтобы никто их здесь не обижал.

В этом благословении святителя юная обитель нашла себе впоследствии защиту от преследования других властей. Вот что сказано в одном из монастырских документов. По спросу Орловского наместничества, в августе 1795 года, составлен был регистр, в коем донесено правлению, что "... в 21 жилых покоях, построенных собственным коштом в прежде бывшем девичьем монастыре, жительство имеют 41 старица под управлением начальницы, на Каменной горе, при церкви Знамения Пресвятой Богородицы, по усердию своему к богомолению, с позволения бывших при Елецком экономическом правлении присутствующих: господина полковника Ивана Ивановича Кондырева, подполковника Афанасия Васильевича Чикина; по просьбе о них бывшего господина Воронежского преосвященного Тихона. Питаются своими трудами и милостынным подаянием". С тех пор, по этому регистру, Знаменская женская обитель на Каменной горе начала считаться самостоятельною*.

В скором времени на предмет построения нового храма помещица Анна Иванова Хлусова пожертвовала 18 тысяч рублей ассигнациями; тогда попечительная Олимпиада, желая как можно скорее привести в исполнение благословение

---

* На это событие указывают также материалы для истории и статистики г. Ельца, *Н. Ридингера,* стр. 51, где сказано: "В этом году (т. е. 1795 г.) Орловский наместник, приехав в Елец, приказал забрать справки о монахинях (живших в Каменной гор.). и указом того же 1795 г. 10 октября, за № 24121-м, велено монахинь разогнать и строения сломать". Но приказание это почему-то не было исполнено.

святителя Тихона, начала заготовлять все нужное для этой постройки. Она день и ночь заботилась об этом и пламенно молилась Царице Небесной, призывая Ее всесильную помощь. "О, невыразимо дорог для православных христиан, а наипаче для монашествующих храм Божий! Здесь хранятся великие наши сокровища, здесь все наши надежды"*.

Сестры монахини неусыпно помогали .начальнице Олимпиаде в постройке храма: сами носили на раменах своих из-под горы тяжелые камни, сами очищали землю, обжигали кирпич, перенашивали его из печей на место церковной постройки, сами приносили песок и воду. Удивлялись каменоздатели ревностным трудам монахинь, не смели опаздывать на дело свое и успешно производили свою работу. Но не до конца шло так святое дело. Милостивый покровитель Каменной горы: святитель Тихон не дождался окончания этой постройки – оплаканный неутешными слезами осиротевших отшельниц, он перешел в вечность 13 августа 1783 года. А начатый храм, со многими трудами и препятствиями, едва достиг окончания, и освящен в нем первый престол 1805 года. Полное же освящение храма было 4-го октября 1813 года, благословением преосвященного Досифея, епископа Орловского и Севского. Но за то в этом храме, по обновлении его, устроен едва ли не первый в России престол в честь святителя Тихона, именно – после открытия в 1861 году св. мощей его.

Хотя блаженная Олимпиада и не дожила до этого счастливого времени, – прославления святителя Тихона; но промыслом Божиим устроилось так, что телу ее пришлось быть погребенным под окном алтаря близ придела святителя Тихона, коему предана была при жизни и с коим дух ее радуется теперь в горних обителях.

---

* Св. Иоанн Златоуст, на Матф. беседа 32.

Блаженная Олимпиада скончалась мирно 3 сентября 1831 года, пожив богоугодно на земли 82 года. Рядом с нею положена и монахиня Евпраксия, скончавшаяся по предречению Олимпиады в том же году, 31 декабря, 90 лет от роду. Они жили единодушно, в трудах и скорбях, до конца дней своих.

Тут же почивают остатки первой игуменьи Глафиры*, бывшей из монахинь Орловского Введенского монастыря. Благочестивая жизнь игуменьи Глафиры, кротость нрава и миролюбивое ее управление незабвенны для тех, кто знал ее. В четырнадцатилетнее свое управление она выстроила большую каменную трапезу к Знаменскому храму, и в нижнем этаже ее устроила теплую церковь о двух престолах. А до того времени на Каменной горе не было теплой церкви, и многотерпеливые труженицы во время зим слушали все службы церковные в холодном храме. Перед кончиною своею, игуменья Глафира два года провела на покое, в молитве и терпении разных скорбей, и Господь воззвал ее от временных страданий на вечный покой 26-го декабря 1839 года.

По увольнении первой игуменьи Глафиры, 1837 года, в Елецкий Знаменский женский монастырь произведена в игуменьи Павлина, из монахинь Севского Троицкого женского

---

* До Глафиры управляла обителью начальница вышеупомянутая монахиня Олимпиада. Игуменья Глафира родилась 1763 года в г. Орле, и во св. крещении наречена Гликерия; она была дочь посадского Феодора Таранова. В монашество пострижена 8 мая 1804 г. в Орловском Введенском девичьем монастыре Орловского Успенского монастыря казначеем иеромонахом Кесарием. Проходила послушание клиросное; 1812 г., марта 8-го, резолюциею преосвященного Досифея определена в означенный Введенский монастырь казначеею; с 15 марта 1821 г. по 14 июля, по резолюции преосвященного Ионы, епископа Орловского, за болезнью настоятельницы – игуменьи Анисии, управляла там Введенским монастырем; 1823 г., марта 25, преосвященным Гавриилом произведена в сей Знаменский монастырь игуменьею, а в 1837 году, вследствие её прошения, по болезненной старости, от настоятельской должности уволена, с дозволением иметь жительство на Каменной горе. Здесь усердием Елецкого почетного гражданина Русанова была ей построена собственная келия, и от него же была ей и помощь на содержание.

монастыря, Орловским епископом Никодимом, с особенно строгими внушениями ей касательно сгоревшего устройства каменной ограды вокруг монастыря и введения в нем более строгих правил, по чину монастырскому.

Умная и бдительная игуменья Павлина, в течение тридцатилетнего своего управления довершила все то, что промысел Божий предначертал быть к пользе и благоустроению юной обители.

В немного лет, обитель Знаменская, навыкнув в монашеских уставах, воспитала многих духовных подвижниц, и ее внешность украсилась тщанием и заботливостью этой игуменьи, построением прекрасной каменной ограды с каменными сходами вниз горы и угловыми башнями, а посреди лицевой стороны в ограде – красивою колокольнею. Все эти здания со стороны города Ельца представляют вид крепости на Каменной горе и, увеселяя взор, составляют необходимую защиту для монастыря, ныне уже довольно обширного и много населенного, но открытого, по уничтожении леса, со всех сторон.

Вот все, что можно было сказать о первоначальном основании и устроении Елецкой женской обители. После сего приступим к сказанию о жизни подвизавшейся в этой обители затворницы девицы Мелании. Особенные обстоятельства ее высоко подвижнической жизни должны быть изложены нами с особенною подробностью Но, повествуя преимущественно о ней, мы будем упоминать и о других ее современницах, тоже достойных всякого уважения и подражания в иноческих подвигах.

II.

Вступление девицы Мелании в Каменногорский монастырь и первоначальные ее подвиги.

В то блаженное для Каменногорской обители время, когда святитель Христов Тихон посещал Каменную гору и, как ангел Божий, укреплял смиренных отшельниц в вере и уповании на скорую помощь Божию, – в то время, по званию Божию, из подгородней Ламской слободы пришла жить на Каменную гору однодворческая девица Мелания, впоследствии времени, своею высоко-строгою подвижническою жизнью, снискавшая себе уважение от всей Елецкой окрестности*.

Девица Мелания родилась в 1759 году от бедных, но благочестивых и православных родителей. Это были Елецкого уезда подгородней Ламской слободы однодворцы, Памфил и Феодосия Пахомовы, которые, пожив добродетельно немного лет в честном супружестве, отошли ко Господу, оставив по себе наследника дому своего, старшего сына. Пред кончиною своею они вручили ему весь дом и своих малолетних дочерей – Меланию и Екатерину, завещав ему воспитывать их в страхе Божием, и самому, паче всего, стараться быть благочестивым христианином.

Девица Мелания, еще прежде совершенных лет, почувствовала в себе влечение к иноческой жизни. Трудолюбивая, как пчела, молодая и красивая собою, она часто ходила в храм Божий, и чаще всего на Каменную гору; там она слушала душеполезные беседы стариц и, возвра-

* Сведения о затворнице Мелании заимствованы частью из монастырских записок и из консисторского архива, а частию из достоверных рассказов, живущих в монастыре, бывших современниц её, а также из рассказов других знающих лиц.

щаясь в дом, уговаривала брата отпустить ее на жительство в монастырь. Но доброе дело без испытания не бывает. Брат Мелании и слышать не хотел о монастыре и о монашеской жизни, а более напоминал ей о домашних делах, и о том, что на ее руках есть еще младшая сестра, которая без нее вовсе должна остаться без присмотра. Чувствовала и Мелания всю справедливость слов брата и не смела противоречить ему, но сердце ее все более и более горело любовью к Богу. Наконец, услышав в св. Евангелии божественные слова Спасителя: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин. И иже не приимет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37. 38), она задумалась, и долго рассуждала сама с собою, что ей делать? Тайный голос сердца уверял ее в истине божественных слов и утверждал во благом намерении – последовать Христу, а убеждения брата и важность избираемого пути колебали и устрашали ее душу. Куда и к кому обратиться? Какой род жизни можно найти столь удобный и угодный Богу, чтобы сохранить душу и тело от осквернения грехами и получить наследие вечных благ, обещанных от Бога верующим и хранящим Его святые заповеди? В горячности духа, Мелания плакала и непрестанно молилась пречистой Деве Богородице, невестокрасительнице душ наших, дабы Она сама наставила ее на путь спасения.

Более трех лет провела она в великой скорби и недоумении, доколе познала совершенно о себе *волю Божию, благую, угодную и совершенную* (Рим. 12, 2). Святый апостол Павел говорит: *сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией. При том знаем, что лю-*

бящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу (Рим. 8, 26. 27. 28).

Итак, когда пришел для Мелании этот определенный час воли Божией, тогда она, отвергнув всякое сомнение, притекла на Каменную гору, *как жаждущий елень на источники водные* (Псал. 41, 1). Побудительною причиною же к окончательному и поспешному выходу ее из родительского дома было то, что брат ее вознамерился удержать ее в мирской жизни брачным союзом. Он нашел богатого жениха и, по совету родных и знакомых людей, даже против желания сестры, хотел выдать ее непременно замуж. Но тщетны были труды его. В день, назначенный для помолвки, возлюбившая Господа Мелания скрылась из дома своего и три дня не являлась. Бог скрыл ее от всех поисков тут же, в своей слободе, в доме ближайших соседей*. Они знали благонравие Мелании и, исполнившись страха Божия, уразумели, что юная отроковица убегает брака потому, что возлюбила Жениха Небесного, а не земного, и старается сохранить себя в непорочном девстве из любви к Нему. Грех и стыдно нам будет, говорили они, если мы не дадим ей помощи в столь благом ее намерении. После этого брат Мелании, видя непреклонность ее и тщетность своих усилий, решился не принуждать ее более к брачной жизни и не препятствовать ей ко взысканию другого пути. Благосклонно выслушав ее просьбу, он дал свое согласие отпустить ее в монастырь, но в денежной помощи и в прочем содействии к определению ее совершенно отказывал.

Но в сердце юной Мелании уже была непоколебимая вера в промысел Божий, и она с твердостью совершенного

---

* Соседи Пахомовых были крестьяне Абрамовы, у коих воспитывалась любимая подруга Мелания, Матрона Наумовна, в последствии Задонская страннопринимница.

мужа возложила надежду свою во всем на помощь Божию, и вверилась вся единому Богу. Помолившись долго и со слезами пред иконою Пресвятой Девы Богородицы, благословила ею юную сестру свою Екатерину, и вышла поспешно из дома родительского, взяв с собою только то, что служило ей вседневным одеянием. Это было осенью 1778 года, когда Мелании не было еще 20-лет от роду*.

Водворившись на Каменной горе, еще не обнесенной никакою оградою, кроме густого леса, среди которого, молитвами и благословением святителя Тихона, только что возрождался будущий девичий монастырь, блаженная Мелания все упование свое возложила на Бога и на пречистую Деву Богородицу. День и ночь ревностно подвизалась она в посте и молитве и с горячею верою и покорностью принимала добрые внушения честных стариц. Она трудилась и радовалась, проходя различные послушания и соблюдая в тайне постоянную молитву и молчание уст. Мелания была неграмотная, но, научаемая самим Богом, она уже постигла умом высокий урок великого наставника монашествующих, св. Иоанна Лествичника, который говорит: "послушайте меня все желающие привлещи к себе Господа, приступайте к Нему, как ученики к своему учителю, то есть: приступайте просто и непритворно, без двоедушия и лукавства, и не любопытно. Ибо Он сам, будучи прост и несложен, хочет, чтобы и приступающие к Нему имели простые и незлобивые души. Ибо невозможно лишенному простоты увидеть когда смирение..."**

Всегда воздержанная в пище, она вскоре стала довольствоваться хлебом и водою – и то в меру. Дух ее горел

---

* В вышеозначенном регистре 1795 года девица Мелания означена живущею на Каменной горе под № 27, а сестра её Екатерина под № 28 в одной общей келии.

** Творение Иоанна Лествичника стр. 24 и 25.

желанием подвигов, о которых она внимательно слушала при чтении житий святых отцов, и к которым Дух Божий тайнодействовал ее сердце. Вскоре, вкупе с прочими сестрами, сподобилась и она принять благословение святителя Тихона, которого уже после многократно посещала. Бывало, встанет с полуночи, и к ранней обедне поспеет в Задонск; отслушав обедню, примет благословение и наставление от святителя, – и снова возвратится на Каменную гору, и сидит в своей келии, наблюдая час и время молитвы и послушания монастырского. От начала и до конца дней своих блаженная Мелания питала к святителю Тихону особенную любовь и уважение, и по кончине святителя часто посещала могилу его и, поклонившись с верою к почившему, получала облегчение скорбям своим. Смотря на нее и на ее подвиги и мужественные поступки, старицы говорили: "Что это будет от нее?"

Едва научившись разбирать Псалтирь, Мелания заучивала стихи наизусть и, постепенно обращая в памяти своей боговдохновенные изречения, старалась выразить и осуществить их жизнью своею. Она более постигла силу и действие молитвы сердечной, нежели устной: сказание псалмов и молитв было уже готовое выражение ее мыслей. Когда же стояла она в церкви, то нередко умилялась сердцем и полагала со слезами многочисленные поклоны. В ночное время она не давала себе покоя, но, ходя в лесу, повторяла выученные псалмы вслух, и была как бы живой орган Святаго Духа, бряцающий немолчную хвалу Богу.

Так прошли первые три года ее жизни на Каменной горе, как один светлый день.

III.

Жизнь Мелании в монастыре вместе с сестрою ее Екатериною — до кончины сестры.

Спустя несколько лет по удалении Мелании из дома родительского, младшая сестра ее Екатерина начала очень часто приходить к ней, и оставалась иногда у ней на несколько дней. В это время Мелания обучала ее молитве и пощению, наставляла ее богоугодным трудам, а от нее не принимала никаких мирских разговоров, ни о брате, ни о семействе его. И когда отпускала ее домой, строго приказывала не узнавать о чужих делах и не занимать ими мысли своей; ибо от этого, говорила она, бывает забвение о Боге, рассеяние и осуждение.

Когда же Екатерине исполнилось 18 лет, она изъявила желание остаться в монастыре, и с радостью была принята старицами и начальницею в их духовное общество; а на жительство помещена к сестре своей Мелании. Чудное было в то время жительство подвижниц на Каменной горе! Жили все они врозь, а сердце и душа были едины, и имущество у всех было общее. Так было и у первенствующих христиан во дни св. апостолов, как пишется в Деяниях апостольских: *"У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. И каждому давалось, в чем кто имел нужду"* (Деян. 4, 32–35). Так было в то время и на Каменной горе, потому что у всех было искреннее желание соблюсти заповедь Господню о нестяжании, а с ним тесно было связано и Целомудрие и прочие добродетели.

Наружный вид Екатерины был некрасив: рост высокий, лицо черное, худощавое и рябое после оспы, но кротость и

благоразумие ее были удивительны. Сначала Мелании трудно было привыкать иметь у себя послушницу. Но вскоре добрые Качества Екатерины, совершенная покорность ее и родственная любовь Мелании к ней, водворили между ними полное согласие. Пожив немного, они, с благословения начальницы, отправились в Задонск принять благословение святителя Тихона. Обе они с глубоким почитанием явились к святителю, и, выразив сильнейшее желание научиться грамоте, просили его благословения. "На что вам учиться по книгам? – сказал им святитель Тихон. – Вас благодать Божия свыше научит – и довольны будете". Впоследствии так и сбылось. Неграмотные, они знали и разумели все нужное ко спасению души и, к удивлению, часто выражали словами священного Писания то, чему научились от Бога и опытом монашеской жизни*. Хотя обе девицы горели истинною любовью к Богу и обе дали сердечное обещание служить Ему верно до последнего издыхания своего, но мудрость и строгость Мелании, кроме старшинства лет, показывали ее более опытною и искусною по жизни. Екатерина была поручена ей самим святителем, как духовная дочь своей старице, в полное повиновение и отсечение своей воли. Кроткая Екатерина, приняв благословение и наставление святителя Тихона, почитала и повиновалась во всем сестре своей, и вскоре заслужила всеобщую любовь и уважение**. Поистине, жительство их было чудным и достохвальным, как по единодушию, так и по монашеским добродетелям! В келии у них, кроме кувшина с водою и малого запаса сухарей, ничего не было. Одежда их

---

* Полагают, что в это время блаженная Мелания приняла в Задонске пострижение великого ангельского образа с именем Миронии.** Екатерина не была пострижена в монашество, но старицы прозвали её Исидорою, по сходству образа жизни её и беспрекословного послушания с преподобною Исидорою, которой память празднует св. Церковь 10 мая, и житие её положено в Четии-минеи того же числа.

была ветхая и часто поновлялась заплатами, но при всей своей ветхости была опрятна и чиста. Рукоделием они занимались очень редко, хотя умели и могли хорошо работать; иногда только брались вязать чулки, но и то очень редко. А было у них другое делание, высокое, духовное. Они имели обильный источник слез и плакали ежедневно о грехах своих неутешным плачем, называя это делание Петровым исповеданием. Этот горький плач не похож на те слезы, которые изливаются при чтении умилительных молитв – он возжигает неудержимое желание к Богу, и в сокрушении духа болезненно и вместе плодотворно дает чувствовать все ничтожество и греховность человеческую и, исторгаясь ненасытными воздыханиями, не хочет ни видеть, ни слышать ничего другого. Подражали этому деланию их и другие старицы, но не в той мере, в какой делали это обе сестры по духу и по плоти*.

Со страхом и заботливостью смотрела на их высокую жизнь начальница Олимпиада и, боясь, чтобы враг не обольстил их высокоумием, нарочно делала им выговоры, иногда как бы за то, что носят многошвенные рубища, и притом неблаговидно надетые. "Это вы делаете с умыслом, – говорила она, – чтобы вам оказывали более внимания и более подавали милостыни. Вы можете одеться прилично, а вместо того показываете нищету. Смотрите: не собираете ли

---

* Старица Иулиания жила в холодной, нетопленой келии, подражая блаженной Мелании, и впоследствии времени желая подражать её затворнической жизни, с терпением переносила многие лишения; но жизнь затворническая превышала её силы: иногда приходила она к единодушным своим сотрудницам Ксении и Афанасии, и проводила у них некоторое время, отогреваясь от стужи и собирая вновь запас сил душевных и телесных к дальнейшему своему подвигу. К себе же в келию Иулиания никого не принимала, и если кто из сестёр намеревался посетить её, она отвечала: "Как мне вас приглашать к себе? Мне и посадить вас не на чем". Когда же приблизилось время её кончины, то, по воле Божией, многие старицы пришли к ней в келью и увидели, что лицо её просветилось, как бы от осияния солнечного, и она в мире и радости предала дух свой Господу. Старица Иулиания умерла уже после кончины затворницы Мелании, в 1844 году.

вы тленное богатство?" После выговора, обе сестры обыкновенно просили со смирением прощения у своей начальницы и ни в чем не оправдывались. Благоразумная Олимпиада не возбраняла им принимать наравне с прочими сестрами общее подаяние, но делала вид, будто не благоволит об их странной жизни, и молодым людям не дозволяла посещать их келию.

В одно время сын купца Кожухова Иоанн, подражая добродетели отца своего, подавал на Каменную гору довольную милостыню, а для обеих сестер, Мелании и Екатерины, сделал крытые шубы на заячьем меху и просил начальницу, чтобы она убедила их носить эти шубы. Из послушания они надевали их, когда приходили в церковь для причащения св. тайнам, и, возвратясь, бережно снимали их, и отдавали кому-нибудь на сбережение, как чуждую собственность.

Во дни св. четыредесятницы Мелания и Екатерина совершали пятидневный пост. Иногда же в субботу Мелания скажет: "Ныне можно лапшицы сварить!" – "И, матушка сестрица, у нас сухарики есть, – отвечает ей скромная Екатерина. – Вот придет светлый праздник, тогда и разговеемся!" И, бывало, во весь пост они вкушали одни сухари с водою, и то в субботу и в воскресенье, а в прочие дни безмолвие, плач и молитва к Богу насыщали и увеселяли души добрых подвижниц. Приобщение св. Божественных Таин бывало у них наравне со старицами во все посты, а иногда и дважды в пост.

В остальное время года они постились умеренно, то есть, вкушали мягкий хлеб, но редко прибавляли к нему что-либо другое, кроме соли и воды. Так однажды монахиня Евагрия принесла им свежих огурцов, Екатерина разрезала огурец, посолила и хотела есть. Мелания тихо толкнула ее по руке и сказала: "Что ты делаешь? Это плотоугодие!" "Прости, матушка

сестрица! Я забылась", – отвечала Екатерина, и бросила огурец в сторону. Удивилась Евагрия такому их воздержанию, и часто для пользы своей и других сестер вспоминала этот случай. Монахиня Евагрия была и сама скромной и воздержанной жизни. Она некоторое время гостила у Мелании в келии, по случаю перестройки своего жилья, и часто говорила после: "Я была свидетельницею их жизни, они всегда имели большое воздержание в пище. Также и в разговорах между собою, кроме необходимого, я ничего у них не слыхала".

Наконец, Бог посетил Екатерину тяжелою предсмертною болезнью в 1804 году. Терпеливо переносила она временные страдания свои и, лежа на голой доске, безпрестанно углублялась в молитву. Мелания с любовью смотрела на болящую и говорила ей: "Ну вот, сестрица, ты покидаешь меня! Кто же мне теперь водицы принесет? Или кто к благодетелям сходит в город? Ведь это все было твое послушание!" – "Бог не оставит тебя, матушка сестрица, а мне уж пора ко Господу. Он зовет меня к Себе".

Тогда пригласили священника, который, совершив таинство елеосвящения и исповеди, напутствовал ее причащением св. Божественных Таин. При последних минутах Екатерина пришла как бы в исступление: лицо ее просветилось, и, наконец, она с тихою и благополучною радостью сказала сестре: "Вот, матушка сестрица, отверзлись райские двери, и там предивное веселье! Вот и райские плоды, которые Господь дарует мне за мое малое здесь воздержание". Мелания припала к ногам умирающей сестры своей и неутешно плакала. "Екатерина! Жаль тебе сестру твою?" – спросила начальница умиравшую. "Нет, госпожа матушка! Она велика пред Богом, и будет прославлена от Него еще здесь, на земле". После слов сих улыбка снова появилась на устах ее, и она, перекрестившись, мирно предала дух свой Господу.

Двадцать два года прожила Екатерина на Каменной горе, и оставила по себе добрую память, а сестрам пример послушания, терпения и любви. Когда старицы опрятывали многотрудное тело ее, то с трудом могли снять грубую и тесную власяницу, которая приросла к телу подвижницы и служила ей безсменным одеянием. Погребение Екатерины было торжественное. Всякому хотелось видеть и проводить к могиле подвижницу Христову, так безмятежно совершившую свой подвиг и богоугодно почившую. Положили ее близ первой деревянной церкви Знамения Пресвятой Богородицы, где впоследствии положена и блаженная Мелания, равно и другие замечательные по жизни старицы.

IV.

Юродство Мелании и бывшие ей искушения.

По кончине Екатерины Мелания и скучала, и долго не могла успокоить себя. Все было для нее как новое, весь порядок жизни ее изменился; изменилось и душевное ее настроение.

Чтобы избежать докучливых расспросов и некоторых посещений, Мелания приняла на себя юродство. Притворно гневалась, когда оказывали ей внимание, если подавали ей милостыню, она говорила некоторым даже с грубостью: "Ты мало даешь! Ну, что тут? Видеть нечего. Мало, мало! Ни на что не достанет". Понимавшие ее юродство усердно прибавляли к своему подаянию, но другие соблазнялись, думая, что она действительно любит стяжания. Когда все уходили, Мелания выносила собранное вне келии и полагала на дровах: тогда съедомое уносили птицы, а деньги и вещи брали ни-

щие, которые, приметив это обстоятельство, часто осматривали все места около ее келии. Ночью Мелания выходила на могилу сестры и, начиная там молитву, оканчивала ее пред утренею на церковной паперти. Многие думали, что она от великой скорби по сестре действительно помешалась. Однажды монастырский дьякон Георгий Преображенский пришел к утрени ранее обыкновенного и при входе в церковь споткнулся об лежавшую ниц Меланию. "О, юродивая! Зачем ты тут валяешься?" – сказал грубо дьякон и слегка ударил ее палкою. Мелания кротко посмотрела на него и сказала: "Бог тебе прости! Тебе больнее будет, когда тебя будут бить". Так и случилось. Через несколько времени этот дьякон, возвращаясь из-за Сосны*, из дома своих родственников поздно вечером, попался недобрым людям, которые ожидали кого-то, и, не узнав, избили его до полусмерти, от чего он зачах и вскоре умер. Но в болезни своей раскаялся и говорил некоторым: "Я оскорбил невинно рабу Божию Меланию, и по предсказанию ее достойно наказан от Бога за мой грубый поступок".

Добрые Елецкие граждане часто посещали Каменную гору, помогали начальнице своими советами и деньгами в устройстве нового каменного храма, а стариц наделяли милостынею и приглашали к себе в дома, где нарочно для них приготовляли чай и постное кушанье. Также посещали они и юродствующую Меланию, которая, по обычаю своему, более пребывала в уединении и только изредка навещала тех, кого сама избирала по своей мысли. Но, несмотря на ее странности, все любили и уважали ее. Кто-то из благотворителей подарил ей самовар с принадлежностями. Мелания пробовала пить чай и чувствовала от него некоторое укрепление и утешение. Случалось, что она и других поила чаем, особенно

---

* Река Сосна разделяет город Елец.

скорбных и больных, которым чрез то, при помощи Божией, и доставляла облегчение. Если же кто, думая угодить ей, решался похвалить ее поступки, – она строго выговаривала тем, и приводила их в большое недоумение, уверяя всех, что они ее обокрали. Некоторые, не понимая глубокого смысла ее гадательных слов, до того обижались, что в самом деле начинали считать ее помешанною. Случалось это и с монахинями, которые с любопытством наблюдали за нею, и брались ей прислуживать. Тогда она поручала им некоторые покупки и внезапными капризами своими доводила их до того, что они, потеряв терпение, бранили ее и уходили.

Спустя несколько времени, восстала на блаженную Меланию духовная брань от разных помыслов. Между прочим показалось ей, что грех – пить чай. Она, как привыкла к воздержанию, скоро решилась оставить употребление чая, и самовар с его принадлежностями отнесла далеко в лес; возвратившись в свою келию, чувствовала некоторую радость, что лишила себя такого утешения. Но скоро она познала, что радость эта была душевредная, от высокоумия ее помыслов, так как выражала некоторое плотское мудрование. Мелания не знала еще того, что пост без смиренномудрия не полезен, и что "часто промысел Божий хощет и чрез противные вещи благодетельствовать, всеми мерами усмиряя наше возношение"*. Богу угодно было, чтобы и Мелания в этом случае познала в себе человеческую немощь и впредь не тщеславилась. В скором времени напала на нее скука, печаль и столь великое изнеможение тела, что она не переставала думать: "Как бы хорошо теперь подкрепить себя чаем", и, наконец, она пошла к благоразумной старице Василисе Ивановне Кожуховой, родственнице первого их благодетеля, жившей с давних лет

---

* Св. Иоанн Лествичник, степень 26, 128.

на Каменной горе, и рассказала ей о своем искушении. "Ну что ж ты за святоша такая, Меланьюшка? Вот и мы пьем чай. Он на пользу иссохшей груди. Пойди-ка посмотри, цел ли твой самовар? Если цел, то значит, Богу угодно, чтобы и ты чай пила, а не думала о себе, что ты великая подвижница". "И правда, матушка сестрица!" – отвечала Мелания. Затем пошла она и отыскала самовар свой в лесу, а прочего не нашлось. Теперь этим самоваром владеет почтенная монахиня Анфиса. Она получила его из рук самой затворницы, и дорожит им, как драгоценным наследством. Многие во время скорби или болезни пьют чай из этого самовара, и молитвами блаженной Мелании получают облегчение.

Но борьба Мелании с помыслами не кончилась. Всякому человеку труднее всего, при всем своем желании, по заповеди Спасителя, *отречься от себя* (Мф. 16, 24). Наше самолюбие, гнездящееся в душе, так неприметно для нас самих, что иногда голос его мы, по обольщению искусителя, принимаем за некое благодатное утешение. Но, *от плод их познаете их* (Мф. 7, 16), сказал нам Спаситель, и потому каждому следует быть внимательным к самому себе. Смущение помыслов о чае было только предварительным искушением мужественной Мелании при вступлении ее в борьбу с тонкими и хитрыми обольщеньями врага, который готовил ей разные сети в надежде погубить ее самомнением. Можно думать, что предсмертные слова Екатерины, сказанные ею о сестре своей, что *Мелания велика у Бога,* и что *Бог прославит ее еще здесь на земле,* сделали некоторое впечатление на душу Мелании. Она приняла их от сестры своей, как справедливую оценку своей жизни. Конечно, Мелании не нужно бы было останавливаться на этой опасной мысли. Но одна только благодать Божия могла спасти ее от вредных последствий льстивого самообольщения.

В одну ночь Мелания, утомившись от борьбы со сном, который безвременно и очень сильно отягощал ее, села у дверей своей келии и забылась. Вдруг ей показалось, будто огненная колесница с крылатыми конями спустилась на землю, и юноша в белой одежде подошел к ней и сказал: "Прииди, о возлюбленная Богом, и восприими мзду трудов твоих. Бог послал меня, ангела своего, вознести тебя в райские селения, где ожидает тебя сестра твоя Екатерина". Мелания, услышав о сестре своей, обрадовалась, и от радости забыла оградить себя крестным знамением. Ей представилось, что она села в колесницу, и крылатые кони понесли ее по воздуху к великолепному дому, белоризец высадил ее и хотел ввести в дом. Тут Мелания оградилась крестным знамением, и вдруг все исчезло. Вдали послышался ей какой-то неистовый хохот, и невыразимый страх объял Меланию. Она увидела себя близ самой мельницы, на краю моста, на самом опасном месте... Она вскрикнула от ужаса и упала на мост. Рабочие люди с мельницы выбежали поспешно на крик и крайне удивились. Они узнали Меланию, но не знали, как она в ночное время зашла сюда, и что с нею случилось? Они подняли ее полумертвую. Но вскоре она опомнилась и просила их довести ее в монастырь на Каменную гору.

Через несколько дней Мелания пошла в Задонск и зашла в село Карповку к старцу Иллариону* просить его святых молитв и советов. С помощью Божиею, с тех пор она весьма была осмотрительна в своих помыслах, более вооружа-

---

* Старец Илларион Нефедиевич (Мефодиевич), впоследствии известный подвижник и затворник Троекуровский, в то время уединённо жил в имении князя Михаила Александровича Долгорукова, Рязанской губернии, в селе Карповке, в келии особенно выстроенной для него благочестивым владельцем, и пользовался общим уважением в том краю. Несколько воспоминаний об этом старце помещено в "Страннике" 1862 года, июль, отд. 1, стр. 113. "Сказание о жизни и подвигах Троекуровского затворника Иллариона". Москва, 1868 года.

лась смирением и молитвою, и на всякий час остерегалась козней вражиих.

Но лукавый супостат покусился еще раз напасть на рабу Божию другою хитростью: он внушил некоторому скромному и христолюбивому человеку, известному всем в городе своею почти отшельническою жизнью, приходить к блаженной Мелании в келию для чтения священного Писания. В несколько дней строгая подвижница заметила в себе не то расположение духа, которое влекло ее к богомыслию и бывало ей обычно. Она тотчас поняла, что здесь кроются сети вражии, и, проводив посетителя, немедленно пошла к любимой своей старице Василисе Ивановне. Поговорив с нею откровенно, Мелания затворила двери своей келии, долгое время никого не принимала и ни с кем не беседовала.

В посте и смирении со многими слезами взывала она ко Господу: *доколе, Господи, забудеши мя до конца? Доколе отвращаеши лице Твое от мене? Доколе положу советы в души моей, болезни в сердце моем день и нощь? Доколе вознесется враг мой на мя?* (Псал. 12, 1. 2) В это время блаженная Мелания вспомнила душеполезные слова святителя Тихона Задонского, который намекал ей, еще при жизни своей, на опасность учения книжного, и с горячностью призывала его на помощь. Ей казалось теперь: "Нет у меня руководителя! Нет и сестры моей со мною! Бывало, ее святые молитвы служили мне подкреплением и охраняли меня более, нежели я ее охраняла. О, горе мне бедной!" Так рассуждала она с собою в сокрушении духа. Но для сильных Бог попускает и сильные искушения, и, соделав их победителями, уготовляет им великие почести. Послушаем, что говорит преподобный Макарий великий: "Князь века сего есть жезл вразумления и бич, наносящий раны младенчествующим по духу. Для того оставлен сей жезл вразумления, чтобы через него, подобно в ог-

ненной печи разжигаемым сосудам, выдержавшие испытание оказались более твердыми, а не выдержавшие обличены были в своей ломкости, потому что не перенесли огненного разжжения. Впрочем, дьявол, как раб и тварь Владыки, не сколько ему угодно, искушает и не в какой мере сам хочет, наводит скорби, но сколько попущением своим дозволяет ему владычнее мановение. Бог, в точности зная состояние всех, сколько есть сил у каждого, в такой мере попускает и подвергаться искушению, как думает о сем и Апостол; ибо говорит: *верен Бог, иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести* (1 Кор. 10, 13)"*. Для мужественной Мелании это также послужило на великую пользу. Уединившись от людей, она предавала себя новым подвигам, и, при созерцании своей греховности, углублялась в смирение и покаяние и обогащалась ими.

День и ночь проводила она в непрерывных трудах: в посте, молитве, коленоприклонениях, сердечных воздыханиях и слезах. Один Бог был свидетелем и наставником ее благорассудительному деланию, и укреплял ее до конца. Мы не должны удивляться удобопреклонности нашего естества, которой подверглась и Мелания. Тот же опытнейший и великий подвижник, Макарий великий, в назидание нам, говорит об этом следующее: "Некоторые, оградив себя вниманием, и при сильном действии в них благодати Божией находили свои члены столько освященными, что заключили о себе, будто бы *в храмине их* нет места уже похоти, но приобретается ум целомудренный и чистый, и что внутренний человек парит уже в божественном и небесном. Посему такой человек думает, что несомненно достиг он в совершенную меру; и

---

* Слово 4 "О терпении и рассудительности". Гл. 6 и 7.

когда почитает себя вступившим в безопасную пристань, восстают на него волны, и опять видит он себя среди моря, увлеченным туда, где только вода и небо, и готовая смерть. Так вошедший в нас грех производит всякую злую похоть".

Здесь по всей справедливости должно разуметь грех *самомнения.* Далее, тот же великий подвижник: "...а со временем настает час, и дела изменяются, так что, помышляя свою немощь и удобопреклонность ко греху, действительно такой человек думает о себе, что он грешнее всех людей"*. И это-то и есть блаженное состояние, которое уже не падает, а ходит выше всех сетей вражьих**.

V.

Приготовление Мелании к затворнической жизни.

По временам посещал г. Елец и Каменную гору о. Илларион, впоследствии прославившийся своею богоугодною жизнью и сделавшийся известным под именем затворника Троекуровского. Однажды он неожиданно вошел в келию Мелании со следующим приветствием: "*егда бо немощствую, тогда силен есмь*" (2 Кор. 12, 10). Прозорливец провидел духом ее скорби. Она удивилась, и прежде всего возблагодарила Бога, потом упала к ногам старца и горько заплакала. Душа ее была растрогана и благоумилена. Вздохнув свободнее, она начала беседовать, и беседа их продолжалась немалое время. Отец Илларион в то время сам испыты-

* Макарий великий. Беседа 38, 4.

** Жизнь св. Антония великого, составленная иер. Агапитом, стр. 48.

вал большие скорби и гонения от мирских властей, по поводу своего пустынножительства. Он пришел в Елец, дабы уклониться на некоторое время и, по заповеди Апостола, *дать место гневу* (Рим. 12, 19). Пристанище его было во дворе купца Лаврова-Кречета, который со всем домом своим имел к нему любовь и уважение*. Мелания ожила духом, часто приходила в дом Лавровых, которые также были и ее благодетели, и подолгу беседовала там с о. Илларионом. А иногда о. Илларион прихаживал и на Каменную гору. Начальница, монахиня Олимпиада, и другие старицы назидались его богоугодною жизнью и принимали его с уважением. Были в Ельце и другие единомысленные о. Иллариону, каковы – священник Преображенской церкви о. Иоанн Борисович и юродивый старец Иоанн Тимофеевич Каменев.

В одно время они трое пришли на Каменную гору. Слова и действия каждого их них отличались мудростью и прозорливостью, и все, что говорили они, сбылось в свое время. Говорят, что когда-то их же слово было и о том, что на Каменной горе надлежит быть иерею Иоанну**. Тогда можно было объяснять это в духовном смысле, так как Иоанн означает "благодать". Но последующее время подтвердило, что эти слова исполнились и буквально, так как на Каменной горе в течение ста лет было только два иерея другого имени, и то на короткое время. Посетив начальницу и других стариц, пришли они к блаженной Мелании. Здесь юродивый старец Каменев, будучи сам Христа ради юродивый,

---

* Елецкий купец Михаил Иванович Лавров-Кречет говаривал неоднократно: "Я всем моим капиталом обязан молитвам о. Иллариона. С тех пор, как он поместился у нас, Бог благословил дом мой всяким изобилием; и где бы надлежало быть по торговле нашей убыткам, там неожиданно были барыши". И действи тельно, дом Лаврова с тех пор возвысился, и, умирая, благодетель о. Иллариона оставил трём сыновьям своим богатое наследство, коим они и доныне пользуются.

** И в настоящее время на Каменой горе два иерея, и оба – Иоанны.

увещевал Меланию оставить юродство, сидеть в своей келии с молчанием и приготовлять себя к совершенному безмолвию и затворнической жизни. Другие слушали и молчали. Мелания отвечала: "Не могу понести". Тогда все трое начали увещевать ее, обещали молиться о ней и решительно приказали ей оставить юродство. Мелания выслушала наставление и решилась испытать себя в новом великом подвиге добровольного заключения.

Прошло несколько дней, и она терпеливо отлагала выход свой то под тем, то под другим предлогом. Время длилось. Между тем враг предлагал ей помыслы: там-то, в таком-то доме ты обещалась быть и давно не была... А там, вот вчера топили баню, и хозяйка опечалилась, что ты не пришла, и как будто совсем забыла их дом и все их благодеяния... Из некоторых домов, действительно, по несколько раз присылали приглашать ее, назначали день, в который собственно для ней будут печь блины и приготовлять постное угощение... Мелания все отвергала. При наступлении ночи спешила затопить свою печь и, смотря на временный огонь, размышляла о вечных муках.

Трубы печной она никогда не закрывала, и потому в келии у нее была всегда стужа – как от ветхости стен, так и от незакрытой печи и трубы. Вольная страдалица согревалась только тогда, когда в умиленной молитве полагала безчисленные поклоны. Тихая лампада, а иногда и зажженная свеча у образа составляли ее богатство и утешение. Келия ее была так ветха, что не только обмазка, но и самый мох сыпался. Она закрывала стены многими постилками, дабы любопытное око не увидало ее худости.

В это время посетил Каменную гору блаженный Иоанн, впоследствии известный Сезоновский затворник, и, разболевшись, пал как бы бездыханен в келии Мелании: она ра-

зожгла в кадильнице уголь и ладаном покадила лежавшего, – он встал и, укрепившись, мог беседовать с нею. С тех пор он имел большое уважение к Мелании и говорил многим, что молитвами смиренной Мелании он получал неоднократно исцеления*.

Наконец прошла зима, и наступил великий пост. Мелания совершила его обычным порядком и до Лазаревой субботы не выходила из своего уединения. Побывав в храме Божием, она в ту же субботу пошла в дом Лавровых с намерением пригласить на Пасху к себе о. Иллариона. Лавровы приняли ее с необыкновенною ласкою, но не согласились отпустить его. Мелания возвратилась со скорбью в свою келию, а в самый день пасхи даже плакала о том. Вдруг пришел к ней о. Илларион и радостно сказал: "Христос воскресе!" После приветствия он с кротостью укорял Меланию в такой неблаговременной скорби и малодушии. Обрадованная Мелания высказала ему свои помыслы и, переменив печальные слезы на радостные, благодарила Бога и посетившего ее старца. Поговорив довольно о спасении души, они отправились к вечерне в церковь. По возвращении из церкви Мелания забыла свои скорби и каждый час торжествовала духом. Через несколько дней супруга Лаврова пришла посетить свою любимую Меланию, и, при первом разговоре, начала просить у ней прощения, что не отпустила к ней в первый день праздника о. Иллариона из своего дома. "Ты сама посуди, Меланьюшка, – говорила Лаврова, – он у нас гость дорогой! Вот оденется лес, он, того и смотри, уйдет от нас. Может быть, и век его не увидим".

Мелания слушала и не могла скрыть своего удивления. Подумав немного, она отвечала Лавровой:

---

* Жизнь Иоанна Сезоновского затворника, Муравьева. Изд. 3-е, 1866 года.

– Ты знаешь, Евдокия Михайловна, что я, кажется, никогда не лгала пред тобою, а удивляюсь, что ты говоришь. Поверь же моим словам: в этот день о. Илларион был у меня в келии, и вместе с нами был у нас в церкви во время вечерни...

– Что ты! – возразила ей Лаврова. – Он разговелся с нами, и весь день читал жития св. отцов; мы все слушали!

– Бог знает, – сказала Мелания задумчиво.

– Стало быть, это ангел его посетил тебя, Меланьюшка?

– Не знаю, я недостойна видеть ангела.

Обе они перекрестились и прославили Бога.

После святой недели Мелания опять ходила в город к своим благодетелям, и в один из таких ее выходов случилось следующее обстоятельство, которое ясно указывает на чистоту ее сердца, приобретенную монашескими подвигами, и данную ей от Бога прозорливость. Живущая и доселе на Каменной горе молодая послушница, по имени Иулитта, одаренная от Бога разумом и крепостью телесных сил, долгое время проходила клиросное послушание, заслуживала любовь начальницы и прочих стариц своим усердием и получала от всех похвалы; но вот напала на нее лютая и долговременная естественная брань, свойственная ее юному возрасту, и напала с такою силою, что мысли и сердце ее волновалось даже при нечаянном воззрении на св. иконы. От великого смущения и скорби она чувствовала, что даже ум ее мешается. В горести духа пришла она к чудотворной иконе Знамения Пресвятой Богородицы, изливая перед Нею душу свою и прося Ее всесильной помощи. Помолившись, она положила намерение в сердце своем: оставить монастырь, если брань усилится, и возвратиться в дом своих родителей. В ту же ночь видит она во сне, что точно так же она молится перед тою же чудотворною иконою, и слышит от нее глас: "Не смущайся, девица!

Это искушение пройдет. Иди в келию Мелании, и усни на ее постели, и ты получишь совершенное избавление от этой брани". "Как же я пойду? Она меня прогонит", – подумала послушница. "Не бойся! Ты выбери время, когда ее не будет дома". Послушница исполнила повеление, данное ей во сне, и в тот же день, пришедши к Мелании, не застала ее дома. Двери были не заперты, она вошла в келию и, помолившись довольно пред иконою Спасителя, изображенного сидящим в темнице, легла на ее постель. Неожиданно, сладкий сон успокоил ее чувства, и, через некоторое время, она встала и спешила уйти прежде, нежели Мелания возвратится. Но только успела она положить несколько поклонов и, затворив келию, отойти в сторону, как Мелания подошла к ней близко и сказала: "Что ты тут делаешь? Я сама никак не могу избавиться от скверных мыслей, а ты ... чуешь! Молчи! Да и молчи!" продолжала она, грозя на нее пальцем. Послушница упала ей в ноги и могла только сказать: "Прости меня, Бога ради!" Мелания же крепко затворила за собою дверь. С тех пор послушница освободилась от тяжких искушений и, молитвами блаженной Мелании, доканчивает богоугодную жизнь свою в монашестве, пребывая теперь, по старости лет своих и слабости здоровья, неисходно в своей келии.

Память об о. Иоанне Преображенском у Елецких граждан сохраняется с особенным благоговением. Он считался юродивым, но с некоторыми говорил просто и духовно. Он любил посещать Каменную гору и смиренных отшельниц ее. Доныне жива простосердечная схимонахиня Феоктиста, которой он предрек быть схимницею. Ей теперь 97 лет, но силы и память ее в хорошем состоянии: она каждую службу бывает в храме Божием и часто поминает назидательные слова о. Иоанна. Он указал ей место своего вечного покоя и предрек, что тут будет устроен мужской монастырь, – тогда, когда еще

то место было пустое; и приказал ей после пострижения своего в схиму прийти к нему на гроб и отправить панихиду. Все это сбылось на наших глазах. Движимый Духом Божиим, о. Иоанн в то время пришел к блаженной Мелании, и снова напоминал ей о пользе затворнической жизни, уверяя, что девице, посвятившей себя Богу, легче всего достигать спасения этим путем. Мелания всегда принимала его советы с должным уважением, как от истинного раба и служителя Божия, но иногда не считала их вполне обязательными для себя, особенно в этом случае, который должен был изменить весь образ ее монашеской жизни. Она хотя весьма редко выходила в город, но не считала это нарушением своих обетов. Спустя несколько времени, после посещения о. Иоанна, случилось блаженной Мелании пойти в город. Навстречу ей попался юродивый старец Каменев. Тотчас подошел он к ней, и начал провожать ее обратно на Каменную гору. Напрасно говорила она ему, что имеет нужду купить или взять у благодетелей кусок хлеба; он отвечал ей: "Не малодушествуй! *Не о хлебе едином жив будет человек.* Иди в келию. *Ищи прежде царствия небесного, остальное все пошлется тебе".* (Мф. 6, 33). Итак, сопутствуя ей и поспешно понуждая, привел ее на Каменную гору, до самых дверей ее келии. "Помни час смертный", сказал он ей грозно и ушел.

Об этом юродивом старце Иоанне Тимофеевиче Каменеве есть такое предание: он родом из дворян, служил в г. Ельце, в провинциальной канцелярии повытчиком. Был любим начальством и уважаем всеми за его ум и добрые качества души. Но по особенному званию Божию он скоро все оставил и, взяв в пример св. Симеона Христа ради юродивого*, до конца дней своих подражал ему. Этому-то Каменеву

---

* Память св. Симеона, Христа ради юродивого, июля 21.

святитель Тихон давал пенсию по три копейки на день, через посредство Космы Игнатьевича Студеникина, за врачевство от помыслов высокоумия, когда-то коснувшихся смиренной души святителя*.

После грозных слов Каменева, блаженная Мелания начала заботиться, как ей исполнить столь необходимый совет, которого пользу и сама она сознавала, но колебалась. Несколько раз ходила она в Задонск, где отправляла с большим усердием панихиды за упокой души Святителя Тихона. Искала вразумления в беседе с учениками его: схимонахом Агапитом и о. Никандром Бехтеевым, но все чего-то не доставало, и некому было решить вполне ее недоумения. Схимонах Митрофан также уже давно скончался.

"Есть мужественные души, – говорил св. Иоанн Лествичник, – кои, по великой любви к Богу и смирению сердца, покушаются на такие делания, которые превышают силы их; есть и гордые сердца, которые тоже делают. Ибо часто у врагов наших бывает умысел подущать нас к таким деланиям, кои силы наши превосходят, чтобы мы, не могши исправить оных, впали в уныние и потеряли даже и то, что возможно и соразмерно силам нашим, и таким образом сделались бы величайшим посмешищем у наших супостатов**.

Так рассуждала, по данной от Бога благодати, и благоразумная Мелания и нескоро решилась вполне на затворническую жизнь. Несмотря на свои созревшие годы и многолетние монашеские подвиги, она чувствовала еще нужду в телесных трудах, и потому справедливо опасалась, чтобы в безвременном уклонении от всех трудов, кроме молитвы, не быть поруганной от дьявола.

---

* Житие св. Тихона. Изд. 3-е, стр. 187.

** Св. Иоанна Лествичника продолж. 26 степ. 121.

Наступил 1812 год. Страшные знамения на небесах, разные толки о войне, предсказания о скором пришествии антихриста ужасали сердца Елецких жителей. Многие приходили к Мелании с вопросами в ожидании чего-то необыкновенного. Мужественная Мелания была выше суеверий. Она не колебалась духом сама и других успокаивала: "Бог милостив, – говорила она, – к нам враги не придут. Лишь бы мы помнили Бога, и сами себя не разорили худою жизнью. *Бог нам прибежище и сила* (Псал. 45, 1)".

Между тем, она непрестанно усиливала свои молитвенные подвиги, и с глубокими воздыханиями изливала источники слез, умоляя Бога о любезном отечестве нашем – православной России. То молилась о воинах, посылаемых на брань; то преклоняла колена о сиротах и вдовицах, оставшихся в бедственном разорении от врагов; то с плачем повергалась ниц и умоляла Господа отвратить гнев свой, движимый за грехи наши, и даровать мир и тишину после скорби. И все это она делала прикровенно. Она избрала в церкви самое последнее место, а иногда стояла на паперти у дверей колокольни, и стояла так тихо и углубленно, что ее не было слышно.

В эти дни вышеупомянутый о. Иоанн Преображенский склонялся к западу дней своих и пришел в дом елецкого купца Трифона Николаевича Холина, которого особенно любил за благочестие и, не застав его дома, обратился к жене его и дочери, молодой девице, желавшей поступить в число монашествующих сестер на Каменную гору, говоря им: "Я пришел проститься с вами в последний раз и сказать вам, чтобы вы посещали храм Преображения Господня, в котором я, грешный Иоанн, священствовал всю жизнь мою. Не забывайте поклониться там со всем усердием двум святым иконам: Спасителю и Божией Матери, что утверждены на столпе. Я молился Владыке моему за всех духовных детей моих,

и за весь город Елец, и за всех православных христиан, и слышал Божественный ответ Его на мою смиренную и недостойную молитву. Глас был мне от Его св. иконы: "Слышу!" – и я пал на землю перед Богом-Спасителем моим с благодарными слезами и не помню, сколько времени лежал и плакал перед стопами Его.

А Владычица наша, Пресвятая Богородица, прежде того явилась мне, грешному, в храме этом, очевидно, как царица... И я думал: "Кто эта приезжая госпожа?" И смело смотрел на Нее. Она же, подойдя к своей иконе, рукою поправила лик ее, который прежде отвращен был от меня, а потом остался прямо – зрящим. И при этом сказала мне: "Рабе Божий! Время твое близко, уготовися ко исходу твоему". И пошла сама в алтарь. А я все еще недоумевал: кто она такая? И какими судьбами пришла она в храм в ночное время... Простите! Помните слова мои"*. Действительно, это посещение его было последнее. В тоже время о. Иоанн посетил и некоторых старец на Каменной горе. Ему сказали о больной старице Степаниде, что она при смерти. "Нет! Она выздоровеет и будет тут первая монахиня", – отвечал он. Так и сбылось, и даже с некоторою достопримечательностью: Степанида дожила до открытия монастыря благополучно и, заболев снова тою же болезнью, была пострижена случайно приехавшим из Орла иеромонахом, знакомым игуменьи Глафиры, и с ее настоятельского благословения, в монашество, с именем Агнии.

Другая старица пришла вопросить его: как ей поступить с племянницею, совершеннолетнею девицею осиротевшею в доме своем? Не поискать ли ей жениха? О. Иоанн сурово посмотрел на старицу и погрозил ей своею тростью. "Тебе хорошо жить в монастыре? Ну! Если придет к тебе племян-

---

* Взято из устного рассказа этой самой девицы Холиной, ныне казначеи Елецкого монастыря монахини Маргариты.

ница твоя, прими ее и научай страху Божию. А туда не ходи. Ее не пристроишь, а себя с пути собьешь. Это не монашеское дело. Сиди в келии и не мешайся". Таковы бывали ответы его и другим старицам. А юным он говорил большею частью иносказательно.

Прошло несколько лет. Блаженная Мелания продолжала часто затворяться в своей келии на долгое время, и все более и более углублялась в созерцательную жизнь. Наконец прошел слух о новом Задонском подвижнике, затворнике Георгии. Мелания пожелала видеть его и отправилась в Задонск. Здесь она открыла Георгию свое недоумение. Убедившись в пользе уединенной жизни не только спасительными советами, но и самым добрым примером его, она обрела в сердце своем полную решимость последовать его образу жизни. Впоследствии затворник Георгий часто писал к ней письма и, подавая ей советы, сам просил ее святых молитв. По кончине Мелании, письма эти были целы, но, вероятно, достались кому-нибудь, не знающему важности этих бумаг.

Наступил пост Успения Пресвятой Богородицы, и в день Преображения Господня блаженная Мелания приобщилась св. Божественных Таин и, помолившись довольно пред чудотворною иконою Знамения Пресвятой Богородицы, закрыла глаза платком и просила одну послушницу довести ее до келии, объясняя ей, что у ней уже несколько времени болят глаза, и она не может дойти до келии без посторонней помощи. Это было 6-го августа 1819 года. С тех пор она неисходно до кончины своей пребывала в своей полутемной затворнической келии.

VI.

Советница Мелании — Василиса Ивановна и послушница ее Екатерина.

Выше мы упоминали о честной старице Василисе Ивановне. Эта верная раба Христова была родственницей купца Кожухова, который считался другом святителя Тихона и первым благодетелем Каменной горы. Она имела в своей келии, как великое сокровище, портрет святителя Тихона и всю жизнь свою располагала по его святым наставлениям. Часто, для избежания похвалы человеческой, покрывала себя юродством. Любила монашескую простоту и нестяжание, от мирских знакомств и даже от родных удалялась, почему некоторые, не понимая высоты ее смиренномудрия, считали ее с природным недостатком ума и часто обращались с нею очень нецеремонно. В келии у ней жила послушница Мария Ильинична, у которой, кроме одной ветхой одежды для зимы и для лета, ничего более не было. Но смирение и мужество ее были удивительны. По давнему обещанию она отправилась к Соловецким чудотворцам Зосиме и Савватию и, не взяв с собою ничего, кроме благословения своей старицы, проходила в странствовании шесть лет.

Возвратившись, она вошла в келию с обычною молитвою и смирением, как будто никогда из ней не отлучалась. Обрадованная Василиса Ивановна расспрашивала ее, где она была, и благополучно ли совершила свое путешествие? "Со Христом Богом моим, матушка сестрица! Довольна Его святою милостью. Была на богомолье, и всюду мне хорошо было". И начала тотчас заботиться о своем обычном келейном послушании. По времени она рассказала, как в Петербурге хотели взять ее в полицию, потому что у ней не было паспорта,

но потом г. полицмейстер рассудил и отправил ее в свой дом. Там жена и дети его были ей рады, накормили, напоили и одарили всем нужным на дорогу. Так же в городе Осташкове ей пожелалось поклониться преподобному Нилу Столбенскому, но время было осеннее и перевоз был затруднителен. Она пришла к озеру рано утром; в монастыре уже звонили во все колокола, а перевезти ее было некому. Она стала на колени и помолилась угоднику Божию, преподобному Нилу. Вдруг подъехал старичок в лодке и перевез ее в монастырь, да так скоро перевез, что еще служба не начиналась. Монахи спрашивали: с кем она приехала? Они знали, что в то время никого не было на озере, и удивлялись ей. Когда приблизилось время ее блаженной кончины, она во всем предупредила старицу свою Василису Ивановну и радовалась, что приходит время почить ей от трудов своих. Василиса Ивановна почему-то поручила юной соседке своей, рясофорной послушнице Маргарите Холиной*, приготовить для умиравшей белую рубашку. Потом, как будто шутя, прибавила: "Буду умирать и я, и мне приготовь такую же". Впоследствии так и случилось. Василиса Ивановна особенно любила ближайших соседок своих: смиренную монахиню Смарагду и племянницу ее, вышеупомянутую монахиню Маргариту. Она хаживала к ним в келию, беседовала с ними подолгу о пользе душевной, слушала чтение акафистов и жития св. отец; а иногда по той же причине и к себе их приглашала, и была с ними единодушна.

Через несколько времени, к ней поступила на жительство родственница ее, девица Екатерина Ивановна Кожухова, доброго корня добрая отрасль, – внука того Кожухова, который имел счастье называться другом святителя Тихона.

---

* Ныне почтенная монахиня, казначея Елецкого Знаменского монастыря.

Слабая здоровьем, но сильная духом, Екатерина, при вступлении своем в монастырь, получила от игуменьи Глафиры такую заповедь: "Ты знаешь, Екатерина, что дедушка твой был друг святителю Тихону, и во всем повиновался его спасительным наставлениям. Я хочу, чтобы и ты также не делала ничего без благословения святителя Тихона и его святым молитвам тебя вручаю". С тех пор послушная Екатерина при всяком необходимом случае подходила к портрету св. Тихона, кланялась в землю, и говорила ему, как живому: "Святителю отче Тихоне! Благослови мне идти в церковь". После обеда благодарила его за хлеб-соль и просила благословения на отдых и прочие занятия по келии. И каждое дело исполняла она тщательно, со страхом Божиим и удивительным смирением. Как дочь богатых родителей, которые любили ее со всею горячностью, она могла бы иметь у себя и прислугу и все удобства жизни, но она охотно смиряла себя Бога ради и, сколько могла, сама всем служила, поминая слова Господа нашего Иисуса Христа: *аще кто Мне служит, Мне да последствует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет; и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой* (Иоан. 12, 26). Когда бывали посетители, Екатерина и при них не оставляла своего обычного правила, но, приняв с верою благословение святителя Тихона, совершала спокойно свое послушание. Некоторые смеялись над нею и говорили: она ограничена умом так же, как и ее старица, и потому они так смешно и поступают. Но мудрая дева имела ум Христов (1 Кор. 2, 16), который для гордых кажется буйством, и как начала свой путь в отсечении своей воли, так и окончила его безмятежно, под невидимым руководством и охранением святителя Тихона. По слабому здоровью Екатерина редко выходила из келии, и блаженная старица охраняла ее как зеницу ока. Иногда, летнею порою, мимо ходившие сестры заглядывали в окно и начинали бесе-

ду с юною подвижницею, но старица опускала занавеску и, оградив окно крестным знамением, говорила вслух: "*Отврати очи мои, еже не видети суеты*" (Псал. 118, 37). Екатерина скоро стала понимать всю важность такого охранения ее старицею: она привыкла быть одна, заниматься богословием и, наконец, ей было уже приятно и необходимо, чтобы во время молитвы занавеска на окне никогда не поднималась. Читая жития святых, Екатерина глубоко умилялась сердцем, особенно когда встречала описание мученических подвигов, и иногда говорила своей старице: "Госпожа матушка! Как бы я желала пострадать за Христа". Благоразумная старица отвечала ей: "Терпи, девушка, всякую скорбь, и будешь мученица". По прошествии нескольких лет Господу угодно было призвать верную рабу свою Екатерину в вечный покой. В июле 1841 года, Василиса Ивановна чувствовала себя нездоровою и, затопив печь, велела Екатерине приготовить пищу. Когда Екатерина заботилась около огня, вдруг ветхий, из тонкого коленкора, подрясник ее загорелся на ней. Она вскрикнула и упала. Старица, забыв свою болезнь, бросилась помогать ей, но огонь так быстро охватил все ее члены, что нужно было гасить одежду на теле. Через несколько минут все тело Екатерины покрылось волдырями, оставалось чистым одно лицо ее и кисти рук, несмотря на то, что пламя и до них достигало, но не опалило их. Страдалицу уложили на постель. Когда разошлись посторонние, Василиса Ивановна подошла к болящей и с особенною ласкою сказала ей: "Ну вот, Катя, ты желала быть мученицей – не ропщи. Это Бог сделал по твоему желанию, чтобы увенчать тебя венцом мученическим". Екатерина с верою приняла слова старицы, и с тех пор не поморщилась, не охнула, но с веселым лицом и покойным духом благодарила Бога от всего сердца за посещение ее такою скорбью. И так немного дней пострадав, была напутствована христианскими та-

инствами и мирно отошла ко Господу. Тогда блаженная старица начала в своей келии топить печь, как можно жарче, уверяя всех, что она больна, и от болезни очень озябла. И топила ее день и ночь. Монахини, посещая ее, говорили: "Побойся Бога, Василиса Ивановна! У тебя лежит в келии покойница, а ты так жарко натопила келию! Подумай, теперь как жарко: и хоронить будет трудно". "Ничего, – отвечала она спокойно,– мы в монастыре живем. У нас этого не бывает!" И точно, слова ее оправдались. Более трех дней прошло, пока отец почившей Екатерины устроил все по приличию для поминовения своей любимой дочери, и почти весь город, по его приглашению, собрался в монастырь к ее отпеванию. Когда же подняли умершую, чтобы положить во гроб и нести в церковь, чудное благоухание, как бы от растертого росного ладана, повеяло от девического тела ее, и все, тут бывшие и прикасавшиеся к ней, были тому неложными свидетелями.

По кончине блаженной Екатерины, Василиса Ивановна часто посещала ее родителей и обедала у них. Они были ей рады и, творя поминовение каждую субботу по любимой дочери своей, приглашали с нею и других стариц. Игуменья Павлина воспрещала ей эти частые выходы и убеждала ее не нарушать монашеских правил, но лучше поминать молитвенно в келии и предложить Кожуховым разделять милостыню на весь монастырь. Старица была готова повиноваться, но, спустя несколько времени, заскучала и снова просила позволения пойти на поминовение. Неохотно отпустила ее игуменья. И в ту ночь видит она во сне блаженную Меланию, которая будто бы пришла к ней в келию с некоторым старцем-монахом, и сказала: "Василиса! Почему ты не слушаешь игуменьи? Знаешь ли, если кто не повинуется от Бога Власти, подлежит анафеме?" Испугалась Василиса Ивановна, и вместо оправдания спросила: "Кто этот монах, пришедший с то-

бою, Меланьюшка?" "Это игумен Каменной горы, преподобный Варлаам Хутынский"*, – отвечала Мелания, "прими от него благословение", и видение кончилось. На утро Василиса Ивановна пошла с повинною головою к матушке игуменье, рассказала ей свое знаменательное сновидение и, испросив прощения, обещалась не ходить более никуда на поминки. И сохранила до конца свое обещание. Когда же приблизилась кончина этой богомудрой старицы**, любимые соседки ее, монахини Смарагда и Маргарита, желали послужить ей при ее последнем издыхании. "Идите с Богом, – сказала она им, – я сама приглашу, когда будет нужно". По принятии христианских напутствований, она пребывала в безмолвии несколько дней, не принимая никаких услуг. Наконец прислала за добрыми соседками и, увидев их, ласково сказала: "Теперь будьте здесь!" И в присутствии их тихо скончалась.

Недолго после Василисы Ивановны пожила и смиренная старица Смарагда. От юности вступив в монастырь из богатого дома Елецких купцов Холиных, она всю жизнь свою провела в великом смирении, повиновении, нестяжании и вольной нищете. Очень редко посещала своих родителей и ничего от них не требовала. Но родные ее сами заботились о ней и много уважали ее за ее духовную жизнь. В одно время к празднику Благовещения они прислали ей рыбный запас для стола. Большую часть присланного старица тотчас раздала требующим, а остальное в ту же ночь унесли у ней из погреба воры. Она сама слышала, как они ходили, но не смутилась и никому не сказала. В сердце же своем благодарила Бога, что сподобил ее потерпеть такое посещение.

---

* В монастыре есть икона и часть мощей преподобного Варлаама Хутынского и придельный храм в честь его. Память его ноября 6-го. В пятницу 9-й недели по Пасхе совершается праздник Знамения Пресвятой Богородицы и прилагается по древнему преданию служба преподобному Варлааму Хутынскому.

** Василисса Ивановна умерла в 1849 году.

Не раз живущая с нею монахиня Ксанфира умоляла ее принять от нее хотя бы часть заработанных ею денег и всегда слышала один ответ: "Слава Богу! Сестрица, твоими молитвами Бог посылает нам нужное, довольное. На что же мне лишнее? А у тебя есть свои нужды. Употреби их на пользу души твоей". Между тем она любила ее искренно и, от избытка любви к ближнему, ничего не считала своею собственностью, но с каждым поделялась. Эта самая монахиня Ксанфира, по случаю продолжительной болезни, дала обещание идти в Киев и, побуждаемая весенним воздухом и готовыми спутницами, торопилась. Но монахиня Смарагда, опасаясь за ее слабость, удерживала ее. В недоумении Ксанфира пошла к блаженному о. Иоанну, просить его совета и благословения. Он не возбранил ее намерению и предрек ей, что она только выйдет за заставу, а там поедет в коляске до самого Киева. Только велел поумиленнее проситься у матери Смарагды, чтобы она отпустила ее с миром и благословением. Она просилась со слезами и, наконец, старица отпустила ее и пошла проводить сама до заставы. Распростившись, монахиня Смарагда горько плакала думая: "Как-то бедная Ксанфира дойдет в такую даль? В это время подъехал экипаж, и незнакомая дама спрашивала ее, о чем она плачет? Она указала на удаляющуюся странницу и объяснила причину своей скорби. Госпожа просила ее дозволить взять с собою эту странницу, так как она сама едет в Киев, и через месяц обратно будет в Ельце и привезет ее. Обрадованная монахиня Смарагда видела, как посадили Ксанфиру в экипаж, и поблагодарила Бога. По возвращении своем из Киева, монахиня Ксанфира не могла нахвалиться своею благодетельницею, но все свое благополучие приписывала молитвам матушки своей Смарагды. А монахиня Смарагда, со смирением отвергая по-

хвалу, относила все к заступлению Царицы небесной и молитвам блаженного о. Иоанна.

Монахиня Смарагда была неграмотная, но с удивительною точностью понимала и помнила священное Писание. Достойно особенного замечания назидание, сказанное ею своей племяннице, юной девице, поступившей к ней на жительство из богатого семейства ее родного брата. "Олюшка, друг мой! Ты не думай, что поступаешь в монастырь на радость и на покой. Наша радость бывает только о Господе. И наш покой – ожидать вечного покоя в царстве небесном. А мирские радости – для нас укоризна. И если мы будем желать их и искать, то приобретем себе порок. Слава Богу и за то, что мы избежали мирских скорбей. Нас не мучит зависть чужого богатства, или ревность... Не печалимся мы о детях и прочих домашних безпокойствах. Но скорбь наша другая. Мы всегда скорбим о неисправности нашего жительства. Боимся Бога. Боимся начальников наших. Мы на то пошли, чтобы жить в покорности и страхе, так и живем: в скорби и терпении. Один Господь и Матерь Божия – наше утешение. Молись и ты, чтобы дал Бог тебе крепость и терпение пожить благочестиво для спасения души твоей. А если будешь любить наряжаться в хорошее платье и веселиться с молоденькими подругами – ошибешься! И скучно будет после жить в монастыре. Господь праведен. Он прежде будущего века в нашей совести *воздает комуждо по делом его* (Рим. 2, 6)".

По смерти ее одна благорасположенная к ней монахиня очень желала знать о ее загробной участи, и много молилась о том. В одну ночь видит она страшную грозу во сне и смятение. Все бегут в церковь и всем понятно, что готовится страшный суд Божий. Многие не успели надеть на себя полной монашеской одежды: иные были без головных покровов, иные без поясов, иные без обуви, и не могли уже

возвратиться в келии, чтобы захватить свои вещи. Вскоре открылся покров церковный и собрал как бы на хорах очень многие знакомые лица, монашествовавшие на Каменной горе, и среди их монахиня Смарагда в столь светлой одежде, что даже лучи сверкали вокруг нее, как молния. Лишь только монахиня узнала ее, тотчас спросила: "Вы ли это, матушка Смарагда?" "Да," – отвечала она, – "это я". Тут она вспомнила, что монахиня Смарагда умерла, и хотела спросить ее, но видение кончилось. Все эти дивные старицы подвизались в простоте сердца, и побеждали по мере сил своих мир, плоть и дьявола. Блаженная кончина каждой из них показывает, что они стяжали плоды *Духа Святаго: любовь, радость, мир, долготерпение* (Гал. 5, 22). Ныне почивают они на тесном пространстве Каменной горы, одна подле другой, под самыми окнами наших келий, и служат драгоценным оплотом всей нашей обители.

Но возвратимся к нашему повествованию о затворнице Мелании. Мы оставили ее только что вступившую в новый подвиг.

VII.

Мелания в затворе.

Слух о затворнице на Каменной горе начал распространяться повсюду и усугубил к ней уважение Елецких жителей, которые и прежде посещали ее и подавали ей обильную милостыню. Но в то же время зависть бесовская рассеивала и противоположные о ней слухи, хотя через это только более сделались известными новые подвиги блаженной Мелании. Часто благочестивые матери приводили малюток своих к небольшому окну ее келии и убеждали ее хотя

из окна положить на них руку, в знак ее благословения и молитвы о них ко Господу. И нередко больные дети, по вере матерей, получали скорое выздоровление. Некоторые в то время замечали кровавые язвы на руках затворницы, прикрытые полотняными обвязками, удивлялись и ублажали труды ее и терпение. Бог видимо прославлял долготерпеливую рабу свою. Между тем, Василиса Ивановна имела свободный вход в келию затворницы; но, понимая всю важность безмолвного подвига, она не докучала ей своими посещениями, а выжидала, когда ее посещение может быть благовременно. Случалось, что блаженная Мелания и сама призывала ее в свою затворническую келию, и в душеполезных беседах с нею открывала ей свои духовные тайны.

"Молчание есть таинство будущего века", – сказал святой Исаак Сирский. И безмолвное созерцание есть принадлежность духа, почему ничто земное и вещественное не может быть настолько достойно внимания, чтобы удовлетворить вполне эту потребность нашего безсмертного духа. Но великая нужна осторожность, чтобы предметы созерцания были действительно душеполезны. Иначе мы легко можем зайти в область мечтательности, в область лжи и обмана, в которой подготовляется помрачение разума и бесовская прелесть. Самый безопасный предмет для созерцания есть сознание своих грехов, своей немощи и своего ничтожества. Отсюда рождается познание Бога и Его безконечной благости, а сие возбуждает душу устремляться с молитвою к Богу. Вся надежда такой души сосредоточена в Боге, и потому нет для нее причин к развлечению при молитве: она молится, совокупляя во едино свои силы, и устремляясь к Богу всем существом своим, она по возможности часто прибегает к молитве, она молится непрестанно, и только при свете духовного разума душа может узреть святой путь к Богу. Там, где не

присутствует этот свет, нет и богоугодной добродетели, спасительной для человека, вводящей его в обители рая*.

Всякое доброе дело испытуется скорбью и терпением. Мы упоминали выше, что добрая подвижница Христова была нестяжательна. Теперь ей необходимо было и самую нестяжательность свою, во избежание тщеславия и высокоумия, покрывать особенною мудростью. Бывало, она поручала кому-либо купить для себя ладану, свечей, масла для лампады, а иногда чаю, и при этом говорила: "Хорошего чаю купи, пусть знают, что и мы пьем хороший чай, хоть они того и не знают, как нам бывает горько!" И при удобном случае раздавала эти покупки бедным. А иногда, завязав деньги в разные тряпки, бросала их далеко от своей келии, и бедные находили их. Также приносившие ей по усердию воду, часто находили деньги в выставленных ею порожних ведрах. Но все эти поступки ее не избежали пересудов и клеветы. В одно утро монахиня Фотиния, быв еще в то время послушницею, подошла к окну затворницы Мелании и, сотворив молитву, спрашивала ее, не нужно ли ей принести воды? Но затворница поручила ей другое дело: дойти к знакомой женщине в черную слободу и взять у ней ветхих льняных тряпичек и ниточек. "На что это тебе, Меланьюшка?" – спросила монахиня. Затворница подняла окно и спросила: "Никого тут нет?" Удостоверившись, она показала ей руку свою. Рука ее была удивительной белизны, но кожица на ней вся истрескалась, и кровь струилась из одной язвы в другую. "Мне нужно прикрыть эти язвы, – сказала она, – сходи же поскорее к такой-то убогонькой, и принеси мне тряпок". Монахиня пошла, но вместо назначенной бедной женщины была зазвана в один богатый дом и взяла у доброй хозяйки не только тряпочек и ниточек, но и много кое-

* Мысли эти заимствованы у Исаака Сирского из слов 25, 28.

чего другого. По возвращении она ожидала от затворницы получить благодарность, но Мелания рассудила иначе. "Какая ты послушница?" – сказала она с укором, – "ты вовсе не исполнила послушания. Послушнику должно свято хранить данную ему заповедь: и тебе надо было идти, куда ты была послана. А ты исполнила свою волю. Я не возьму твоих гостинцев". С этими словами она поспешно опустила свое подъемное окошечко, и более ожидать было нечего. Смущенная монахиня долго не могла понять, почему затворница осталась недовольна ее усердием. Узнав это, и благодетельница также оскорбилась.

Елецким градским головою был очень богатый купец, почетный гражданин Иван Васильевич Шапошников, который давно имел намерение и неоднократно обещался обстроить девичий монастырь на Каменной горе, но время от времени все отлагал свое намерение. Между тем в монастыре были существенные нужды: деревянная ограда обветшала и местами уже обвалилась, теплой церкви не было. Некоторые сестры тяготились этим и желали не только иметь теплую церковь, но чтобы был открыт и монастырь на общих правилах, монашеским постригом; а некоторые, потеряв надежду, чтобы это сбылось и чтобы тут был когда-нибудь благоустроенный девичий монастырь, решались оставить Каменную гору и перемещались в другие монастыри. Своих средств для таких построек в монастыре не было, и не предвиделось, чтобы кто-либо другой мог исправить все эти нужды. Поэтому некоторые спрашивали затворницу: сделает ли Шапошников по своему обещанию? "Что Божия часть, то Бог и примет от него", – отвечала она с твердостью. Так и сбылось. Девичий Знаменский монастырь на Каменной горе был открыт еще при жизни Шапошникова и по его же ходатайству, в 1823 году. Для необходимого же обеспечения монастыря, по назначен-

ному третьеклассному его штату, Шапошников предоставил для священнослужителей и 17-ти монахинь с игуменьею 12 тысяч рублей серебром. И за эту *Божию часть* святая церковь и все монашествующие Каменной горы благодарно поминают своего благодетеля и молятся о упокоении души раба Божия Иоанна.

С открытием штатного монастыря на Каменной горе, увеличилось число монашествующих и начали воздвигаться новые постройки. Блаженная Мелания радовалась духом, что предречение святителя Тихона вполне сбылось. Устроилась обитель для спасения душ, с благоустроенным храмом, где святое и великое имя Господне прославлялось и будет прославляться в род и род!

Совершились первые постриги: много лиц единовременно были облечены во святой ангельский образ, и радовались совокупно Ангелы на небеси и человеки на земли, по слову Господню: *тако радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнице кающемся* (Лук. 15, 10). Благодать Божия приосенила и украсила Каменную гору: из простой, малой общины образовалось большое и благоустроенное общество монашествующих на общих правилах своежития.

Один коварный враг и ненавистник нашего спасения терзался завистью, и если не мог успеть повредить в другом чем, то всеми мерами начал усиливаться обесславить высокий подвиг затворницы. Особенно при том внимании, которое теперь было обращено на юную обитель, и при многих разговорах о ней, некоторые колебались неверием и посмеивались доброму делу ее и осуждали. Часто и до самой затворницы доходили слухи, что она по лености уклоняется от церковных служб и избегает по той же причине общественных послушаний, и ради похвалы человеческой притворно показывает себя возлюбившею уединение. Трудно было 64-х лет-

ней старице нести такую явную клевету. Но *любящим Бога вся поспешествует во благое* (Рим. 8, 28). Для мужественной Мелании такое злоречие было доказательством, что подвиг ее угоден Богу. Она сожалела о тех, которые злословили ее, и, смиряясь, говорила: "Богу сердцеведцу известны все помышления мои. Из любви к Нему, я вышла из мира и, сколько могла, трудилась в обители. Теперь за святое послушание, и по Его святой воле, удалилась я и в затвор... *Ты еси терпение мое, Господи, Господи упование мое от юности моея. Яко чудо бых многим* (Псал. 70, 5. 7)". Кто бы что ни говорил, но никто не может вполне знать и достойно оценить чужое делание. Кто взвесит скорби и исчислит воздыхания сердца, имущего Бога и проникнутого жаждою безмолвия? Древние иноки бежали в необитаемые пустыни. А у нас это по всему невозможно. Искусившиеся знают человеческую немощь и знают, что здесь нужна помощь свыше, которая нисходит только на смиренных сердцем. Смиренным Бог дает благодать терпения в подвигах и во всех злоключениях их. К тому же сам Господь наш Иисус Христос заповедует нам: *бдите и молитеся, да не внидите в напасть* (Мк. 14, 33).

Из всех искушений, постигших блаженную Меланию, одно самое ничтожное, но по немощи человеческой было для нее самое лютое, которое едва не расстроило ее затворнического подвига. Одна сестра обители, по монашескому имени Елпидифора, жила недалеко от ее келии и по зависти бесовской презирала затворницу. Часто поносила ее и своим злоречием соблазняла посетителей монастыря. Потом дошла до такой степени ожесточения, что всеми способами старалась нарушить безмолвие и досаждать ей день и ночь. Долгое время блаженная Мелания переносила с кротостью все ее безпокойства и, по заповеди Господней, молилась о ней. Наступила весна. У Елпидифоры заболела ее родственница тяжелою

внутреннею болезнью, от которой резко стонала. Она примостила ей постель под окном затворницы и оставила там на все лето. Когда же холодное время заставило ввести больную в келию, тогда Елпидифора на ее место привязала козу и загородила ей выход туда. Бедное животное, привыкшее к свободе, блеянием своим горько выражало свою неволю, и до того надоело уединенной затворнице, что ей оставалось дать место злобе и уйти из своего затвора. Но куда идти затворнице, отвыкшей от мира и от людей? Долго колебалась она разными предположениями, и горько ей было. Наконец она вышла из келии и отломала загородку от своего окна. К несчастью, безпокойная соседка увидела это, и с диким воплем бросилась на затворницу. За нею бросились другие и, как безумные, избили бедную старицу, насильно втолкнули ее в келию и заперли дверь. Вскоре, опомнившись и испугавшись своего безумного поступка, пошли с оправданием к старшим и, наконец, к самой игуменье и пустили в народе молву, будто затворница помешалась. Молва быстро разнеслась по монастырю и по городу, и некоторые начали советовать игуменье отвезти блаженную Меланию в Орел, в дом умалишенных. Добрая Василиса Ивановна испугалась такой неожиданной новости, и поспешила к затворнице, чтобы самой удостовериться, правда ли это? Она застала Меланию в горьких слезах. Во взаимной беседе, они сообщили одна другой все обстоятельства, и Мелания еще более оскорбилась, узнав о предложении отвезти ее в Орел. Только теперь она познала свою немощь и побеждение от врага. С глубоким чувством раскаивалась она в своем малодушии и нетерпении и, смиряясь от всего сердца, просила прощения у каждого. Василиса Ивановна прилагала самое дружеское попечение, чтобы успокоить ее, ободрить и оправдать в глазах настоятельницы, и прекратить эту молву. После этого случая враг сильно начал на-

падать на затворницу ночными привидениями и попущением Божиим устремлялся на нее то в зверских подобиях, то в подобии тех лиц, которые оскорбили ее. Но мужественная Мелания терпеливо переносила все его нападения и, считая себя грешницею пред Богом, смиренно призывала Его всесильную помощь и тем защищалась. Бывают с преуспевшими искушения страхований, наводимые от бесов по поводу уединения или какого-либо нового подвига благочестия, предпринятого иноком. Этими страхованиями злые духи стараются возмутить покой инока после того, как ничего не успеют, действуя против него греховными помыслами и мечтаниями. В одно время озлобленный терпением Мелании, враг ринулся на нее и исторгнул множество волос из головы, и многократно ударял ее оземь, так что пришедшая к ней Василиса Ивановна нашла ее едва живою. Тогда блаженная Мелания просила ее пригласить духовника и с должным приготовлением приобщилась св. Божественных Таин, и силою Христовою вскоре оправилась от болезни.

Таким образом, путем смирения и унижения шла неуклонно блаженная Мелания и имела руководителем Бога, по неложному обещанию самого Иисуса Христа, который, вразумляя иудеев, говорил: *Никтоже может прити ко Мне, аще Отец пославый Мя привлечет его... и будут вси научени Богом* (Иоан. 6, 44. 45). Забыв весь мир, она помнила только одну немощь свою, и с сокрушением духа день и ночь умоляла Бога, да не предает душу ее стужающим ей бесам. И в немного лет столь преуспела в любви и смирении, что с радостью благодарила Бога за все. Терзался древний враг от зависти, но достигшая в преподобие и правду, Мелания уже не безпокоилась много его наветам. При таком незлобии воссияла в ней чистота сердца. Молитва и видение сделались для нее источником наслаждений духовных, – истинным предвкуше-

нием небесных благ. Не замечая времени, по целым суткам пребывала она в молитве, и душа ее, объятая вся пламенем божественной любви, возвышалась нередко до духовного восторга. В это время она уже могла сказать о себе подобно великим святым: *"я уже не боюсь Бога, а люблю его"**. Потому что *в любви нет страха, но совершенная любовь вон изгоняет страх* (1 Иоан. 4, 18). Некоторые духовные старицы спрашивали блаженную Меланию, как она соблюдает бодрствование в молитве, и как не побеждает ее естественная немощь сна? Она отвечала: "От юности приучила я себя к бодрствованию в ночное время. Пост и безмолвие помогали мне в этом. А к тому же, когда отягощал меня сон, то за волосы к стене, где набиты были гвозди, привязывала я голову, и тем не допускала дреманием наклонятся, но тотчас пробуждалась. В уме же моем содержала память смертную".

VIII.

Духовные дарования Мелании, обнаружившиеся в затворе.

Как ни строга была подвижническая жизнь Мелании, но мир, который, по слову Писания, *весь во зле лежит* (1 Иоан. 5, 19), всегда скорее верит худым слухам, нежели добрым. Родной брат Мелании во всю жизнь не верил богоугодному житию сестры своей; наконец, незадолго уже до кончины ее пришел к ней и желал, чтобы она приняла его. Но блаженная Мелания, не принимавшая к себе почти никого, не отворила и брату своему дверей своей затворнической келии, а сотворив молитву, по обычаю, беседовала с ним через

* Симеон нов. богосл., сл. 1.

окно и отпустила его, не видавшись с ним. Тогда он со слезами начал просить ее принять его в келию и еще побеседовать с ним о пользе души. Но Мелания осталась непреклонною.

Слух о таковом строгом образе жизни показался для некоторых невероятным. Прибывшее в то время из губернского города Орла в город Елец одно духовное лицо пожелало видеть затворницу и, для лучшего успеха в своем любопытном намерении, обратилось к настоятельнице монастыря, игуменье Глафире, с просьбою, чтобы она сама благоволила пойти с ним в келию затворницы, убедила ее принять их. Но труд был напрасен. Гостей не приняли. Хотя были предложены и просьбы, и приказания, но любопытство их не было удовлетворено. Когда же игуменья Глафира пришла в другое время одна и со смирением произнесла молитву у дверей, то блаженная Мелания с подобающею кротостью отворила двери, и, пригласив ее в келию, почтительно беседовала с нею, так что в приятной духовной беседе их незаметно прошло около двух часов. Эта беседа такое оставила впечатление в душе боголюбивой игуменьи, что она начала иметь к затворнице самую искреннюю любовь и навсегда уже сохранила к ней глубокое уважение.

Высоко-подвижническая жизнь смиренной затворницы Мелании низвела на нее благодать Божию, и праведный Господь щедро обогатил верную рабу свою необыкновенными дарами. Во многих случаях она могла прозревать в будущее. Некоторым она говорила иносказательно, а другим ясно предсказывала в далеком будущем перемену их обстоятельств, увещевала совершать в свое время богоугодные дела и заботиться о спасении души своей. Некоторых нуждающихся в помощи или находящихся в недоумении о своих обстоятельствах, снабжала мудрыми советами и, кому нужно, подавала помощь.

Так в Елецком тюремном замке утешен ею некоторый узник в последние часы своей жизни. Имя этого старца теперь забыто, помнят только, что он страдал безвинно по оговорам, и впоследствии оказался совершенно правым, но судебное оправдание уже не застало его в живых. Когда же он был болен и, чувствуя приближение смертного часа, просил священника напутствовать его св. тайнами, в тот день затворница Мелания очень рано послала нарочного к своей давней благодетельнице, купчихе Лавровой, приказывая ей отложить чаю и сахару и того сладкого пирога, который она в тот день для себя приготовила, и сейчас же отослать все это в острог тому болящему узнику. Удивилась Лаврова такому приказанию: как могла знать затворница даже и то, что у ней в печи? Удивился и болящий узник, и со слезами благодарил Бога, когда подали ему от затворницы Мелании именно то, чего он желал, но не смел никому и мысли своей открыть об этом. Тут он рассказал окружавшим его, в присутствии посланного, о чем он помышлял ночью, и как Бог исполнил желание его через прозорливую затворницу, которую он никогда не видал, и которая его не знает. Спустя несколько часов он умер. Тогда явился другой посланный от купца Перекалина: привез новую одежду, гроб и несколько денег. Вручая это смотрителю замка для погребения новопреставленного узника, посланный сказал: "Все это прислано от нашего хозяина по приказанию матушки затворницы". Все удивились и благодарили Бога.

Однажды помещица Кромского уезда Александра Петровна Маслова приехала в Елецкий уезд к родственнику своему г. Салтанову, жившему в селе Решетовой Дуброве и, наслышавшись о затворнице Мелании, пожелала сама побеседовать с нею. По приезде в г. Елец, она заняла квартиру у благочестивой купчихи Парасковьи Игнатьевны Калабиной, которая хорошо знала и подтвердила госпоже Масловой о

богоугодной жизни затворницы Мелании и, сверх того, доставила ей знакомство с другими лицами, ищущими спасения. А именно, в Черной слободе, которая теперь почти уже слилась с городом Ельцом, тогда жила изувеченная жестокою болезнью девица Евфимия: 30 лет от роду сидела в шкафу, за стеклом, в одном положении и, несмотря на свои страдания, была весела, как младенец. С удивлением смотрела на нее госпожа Маслова и просила ее святых молитв. Потом они, заехав к жене одного священника, П. С. Ефремовой, которая отличалась духовною жизнью, с нею вместе отправились в девичий монастырь. Карету свою Маслова оставила под Каменною горою, а сама со спутницами пошла по крутизне прямо к затворнице. Маслова привезла ей чаю и сахару, но второпях все забыла в карете. Через некоторое время блаженная сказала: "Я бы вас угостила, да у меня чаю и сахару нет! Пришла ко мне барыня, а чай и сахар дома забыла. А она для меня его и купила". Маслова удивилась. Ее узнать нельзя было, что она барыня: в разговор она еще не вступала, и о мысли, с которою она покупала чай и сахар, никто не знал. Она послала одну из своих спутниц принести узелок из кареты, и подала чай и сахар затворнице. Блаженная Мелания отделила немного, остальное подала ей обратно и сказала: "Возьми! Тебе самой нужно будет. Ты тут долго проживешь. А деньги еще не скоро получишь". "Мне денег не от кого ожидать", – отвечала Маслова. "А от мужа твоего?" – "Он меня навсегда оставил". – "Пришлет, пришлет, и будешь богата", – сказала блаженная с уверенностью. Действительно, Масловой пришлось провести весну в Дуброве, и великим постом опять быть в Ельце. Тут она снова посетила затворницу и в разговоре объяснила ей, что она говела в селе Дуброве и исповедывалась у молодого священника И. З. В. – "Да! Ты будешь у него и всегда исповедываться. Построй же ему домик хоть на время. А то

он на квартире живет и без жены. А когда бы в своем доме жил, и жена жила бы с ним". Возвратясь в Дуброву, Маслова сказала тамошним прихожанам слова затворницы и, подумав немного, все согласились на это предложение и, в короткое время, построили небольшой приют, со всеми принадлежностями, а в великий четверток священник с супругою своею уже перешел на новоселье. Но слово блаженной Мелании сбылось. Эта скорая постройка была на время: через год домик сгорел, и священник перешел в другое село, Крутое, на родительское место.

В то время Маслова получила уведомление, что муж ее умер. И действительно, он, по предсказанию Мелании, примирившись с женою заочно, оставил ей, по духовному завещанию, сто тысяч рублей денег. Нарочно приехав в Елец, Маслова с своею хозяйкою Калабиной отправилась к затворнице Мелании с намерением просить совета. Но прежде, чем успела объясниться, блаженная сказала ей: "Недаром ты стала ездить к нам, в Елец! Построй-ка ты богадельню". – "Ах, матушка! Ведь мне и родственница моя пред кончиною своею завещала выстроить богадельню. Вот теперь, как получу деньги, я могу это сделать. Только не знаю, где мне ее выстроить?" – "А у духовника-то твоего в селе Крутом? Да, вот что: это ты все после сделаешь. А теперь поезжай-ка к городничему, да возьми на поруки из острога двух братьев-молокан. Обуй их, одень по приличию и отвези их в село Крутое. Духовник твой уговорит их. Царица небесная поможет вам! Они покаются, примут православную веру и будут хорошие люди". Маслова с полною верою на все согласилась, и в короткое время, с помощью Божиею, все исполнила. Братья-раскольники, Александр и Владимир, привезены послушною госпожою в карете из острога и впоследствии, с разрешения епархиального начальства, присоединены к православию в селе Крутом. Она

сама была их восприемницею. Вскоре, получив завещанные от мужа деньги, она с радостью продолжила свои богоугодные предположения. В один год распространила церковь в селе Крутом, украсила и снабдила ее всею утварью и выстроила при ней богадельню, которую и поручила в управление своему духовнику. Купчиха же Калабина, у которой г. Маслова, посещая Елец, всегда останавливалась, в свою очередь, послушав доброго совета затворницы Мелании, вступила в Елецкий монастырь и окончила благочестивую жизнь свою монахинею: имя ей в монашестве было Измарагда.

Благие советы блаженной Мелании многим послужили во спасение души; иногда она подавала их с некоторым вразумлением, чтобы лучше привилось к душе слово благодати. Так случилось с одним из сыновей Елецкого купца Лаврова-Кречета. Он много уважал затворницу и в один праздник прямо из монастырской церкви зашел к ней и, сотворив молитву, постучал по обычаю в окно. "Зачем ты пришел, батюшка мой?" – спросила она. "Просить ваших святых молитв и благословения в своем намерении", – отвечал он. "Поди-ка, мой любезный, перенеси мне дрова в сенцы". Не хотелось молодому человеку, в праздничном наряде своем, носить дрова в сенцы, но надобно было исполнить послушание. Когда он кончил и снова сотворил молитву, чтобы начать беседу, она сказала: "Ну, теперь иди с Богом. Ты будешь хороший монах". Получив такое внезапное решение на свою сокровенную мысль, молодой человек изумился и, поблагодарив Бога, не стал более безпокоить старицу дальнейшим разговором. Он знал, что непременно сбудется ею сказанное. И, спустя немного времени, решился просить благословения у родителей. Потом вступил в монастырь, был иеромонахом с именем Ксенофонта, и окончил благополучно свой подвиг в Почаевской лавре.

Елецкая купчиха Евдокия Васильевна Хамова часто посещала затворницу Меланию и в одно время просила ее совета поселиться на жительство в монастырь и устроить в монастырской теплой церкви иконостас, во имя святителя Николая. "Да не увесть шуйца дело десницы твоей – отвечала ей блаженная. – Живи смиренно где живешь. Найди такого человека, который бы сделал это святое дело вместо тебя, никому не объявляя, что ты это делаешь. Тогда будет мзда твоя цела пред Господом, и тебя похоронят на Каменной горе, в монастыре, и будут поминать". Хамова все это исполнила в точности. Деньги на устройство иконостаса вручила духовному отцу своему, тому же священнику, который был духовником Масловой, и который, с разрешения епархиального начальства и игуменьи, устроил иконостас во имя святителя Николая, уже после кончины затворницы, и Хамова похоронена в монастыре на Каменной горе.

Монахиня Любовь, страдая долгое время опухолью, ломотою и тяжкою болезнью в ногах, послала свою послушницу к затворнице Мелании просить ее святых молитв. Та дала ей щепотку чаю и приказала немедленно напоить больную. На утро, больная почувствовала себя лучше и послала вновь ту же послушницу к затворнице только по другому делу. Послушница на пути размышляла в себе: истинно наша затворница угодница Божия! И, с этою мыслью начала творить молитву и стучать в окно. Вдруг блаженная Мелания спрашивает ее: "Как называешь ты меня? Я нищая, слепая! А если ты будешь так прославлять меня, то не знай моей келии. Скажика лучше своей больной монахине, чтобы она не хворала, а пусть через недельку купит калачиков, да сама ко мне принесет". Так и сбылось. Больная монахиня Любовь, к удивлению всех, выздоровела без лекарств, и в назначенный день сама принесла калачи своей целительнице.

Случалось, что если кто подает затворнице Мелании приношение с усердием, она хвалила поданное, и даже иногда тотчас вкушала. Если же замечала скупость, тогда отдавала милостыню обратно, а иногда еще и с выговором тому, кто прислал без усердия или даже просто выкидывала ее без внимания за окно.

Раз она послала в дом к благодетельнице своей, доброй купчихе Гавриловой, просить у ней арбуза. Та, будучи занята по хозяйству, на тот раз пороптала, однако послала арбуз. Получив арбуз, блаженная Мелания долго рассматривала его; потом вырезала в нем сердце и, всыпав туда довольно золы, опять закрыла и отослала его обратно. Добрая приятельница поняла эту притчу и раскаялась в своем поступке.

Две женщины пришли к ней попросить молитв и благословения: одна из них, бедная, приготовила ей калач и совестилась, что не имеет более. Другая купила кренделей и помышляла: ну, куда ей столько? Едва подошли они к ее окну и, сотворив молитву, постучались, как услышали, что блаженная Мелания сказала первой: "Я есть хочу. Дай-ка мне твой калач", – и поцеловала его. А другой отвечала: "Вот накупила добра! Сухие, да черные! Ешь сама, мне не нужны они". И не взяла их.

Случалось иногда, что монахини во время скорби подходили тихо к ее окошку и, сотворив молитву, говорили про себя: "Матушка Мелания! Вот такая-то скорбь у меня"; иная: "Вот такое-то искушение постигло меня. Помолись о мне, Господа ради". И Бог извещал ей о вере и прошении страждущих, и она нередко посылала им через кого-нибудь слово утешения.

Так протекла жизнь простой неученой девицы, которая, однако ж, возмогла усвоить себе мудрость духовную. Что же послужило ей к такому преуспеянию? Тоже, что видим и у древних святых: смирение, молитва и терпение. Если мы не-

много успеваем в духовной жизни, то, рассмотрев себя безпристрастно, найдем, что причиною того недостаток в том или другом; особенно же мешает преуспеянию нашему недостаток смирения: при этом недостатке и молитва наша не имеет силы. Напротив, расположив себя к смирению, мы укрепляемся терпением; тогда и молитва наша бывает приятна Богу и возводит нас от силы в силу, и из плотских и немощных делает нас духовными.

IX.

Кончина затворницы Мелании и великое сочувствие к ней народа.

Ничтоже бо есть покровено, еже не открыется; и тайно, еже не уведено будет (Матф. 10, 26).

Многие всю жизнь свою были загадкою для людей, но только потому, что люди не хотели вдуматься в загадочные личности, чтобы понять их. Была загадкою для многих также жизнь затворницы Мелании, пока не наступило время блаженной кончины ее. С самой весны 1836 года блаженная часто находилась в особенном самоуглублении; только изредка легкий кашель нарушал ее безмолвие и показывал приходившим, что она уже изнемогает в силах телесных. Наступил пост святых апостолов Петра и Павла, она начала приготовляться к принятию Святых Таин. В самый день причащения священник шел к ней из церкви со святыми дарами, а причетник нес впереди зажженную свечу. Вдруг подул сильный ветер, и свеча погасла. Причетник хотел возвратиться зажечь свечу в церкви, но священник, поторопив

его, сказал: там зажжем. Когда же прошли весь монастырь и причетник ступил на порог келии затворницы, свеча у него в руках зажглась сама собою. Он с трепетом поставил ее на стол. По совершении таинства, принес свечу горящею в церковь. Это чудное зажжение свечи было всеми замечено. Еще жив и ныне, в сане дьякона, тот самый причетник, который нес эту свечу*. К вечеру блаженная Мелания приказала купить меру угля и, подняв половицу в углу, под иконами, всыпала уголь под пол. Конечно, в то время, никто не мог разгадать, для чего это сделано, но впоследствии этот уголь служил врачевством от многих болезней, и многие с клятвою утверждали, что в сновидениях являлась им монахиня и приказывала брать уголь в келии затворницы Мелании, которая жила на Каменной горе, и достать этого угля в ее келии из угла под св. иконами. Некоторые приходили в монастырь очень издалека и просили этого угля для больных.

Блаженная Мелания имела откровение от Бога о самом дне и часе своей кончины. Незадолго до ее преставления, к ней пришла девица, посланная от купчихи Двойченковой, и затворница, против обыкновения, ввела ее в свою внутреннюю келию, в которую уже много лет, кроме духовника ее, никто не входил, приказала согреть самовар и теплою водою омыла себе лицо, руки и ноги. Когда девица пожелала помочь ей, она кротко возбраняла. "Не надо, – говорила она, – у меня самой есть еще силы". Окончив это приготовление, она сказала: "Благодарю, поди с Богом! Скажи всем, чтобы грешную Меланию простили во всем. И я всех их прощаю!" Потом, как бы ослабев, прилегла на минуту и вдруг, возвысив голос, сказала: "Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу за все!" На утро, в четверток 9-й недели по пасхе, 11-го июня, при

* Дьякон Иоанн Александрович Гассанов, ныне уже заштатный, в Знаменском девичьем монастыре.

благовесте на причастное правило, совершаемое, по обычаю монастыря, до утрени, послушница Наталия принесла воду для затворницы и, сотворив молитву у окна, ожидала ответа. Но ответа не было. Она подошла к двери и с молитвою хотела постучать в нее, но дверь немного отворилась, и видно было, что она чем-то приставлена изнутри. Послушница поспешила в церковь и известила игуменью, которая в то же время послала двух монахинь в келию Мелании. Пришли старицы, отперли двери затворнической келии и увидели Мелению отшедшею ко Господу Богу: блаженная благообразно лежала на полу, с воздетыми руками, молитвенно и радостно, смотря на близ стоящую икону страстного Спасителя. Лицо ее было так светло и покойно, как только доступно бренным очам нашим отличить на мертвенном челе небесную радость.

С благоговением тотчас же опрятали тело почившей, и началось пение панихид и неусыпаемое чтение псалтыри. Скоро весть о кончине ее разнеслась по городу и по всей окрестности. Множество народа наполнило монастырь.

К вечеру того же дня явились три путешественницы из Задонска, которые с клятвою говорили, что в самую полночь видели они огненный столп над Каменною горою, досягающий неба и озаряющий собою всю окрестность. Они остановились на дороге и, около часа, удивлялись этому чудному видению. Пришедши в дома свои, многим рассказывали об этом. Можно полагать, что это было самое время преставления затворницы.

Одна известная всем в городе девица Евпраксия, которую до того времени почитали юродивою, и которую видали на Каменной горе, не хотела подойти и поклониться новопреставленной; и когда ее убеждали к тому, она вдруг зарыдала, закричала, начала драть ногтями свою грудь и лицо до крови, и высказывала: "как нам не кричать? Как нам не плакать?

То мы ее мучили, а теперь она нас попалила!" И изрыгая хулы на блаженную, бесноватая убежала.

В то же время одна послушница, полагая, что у почившей были хорошие вещи, или деньги, приостановилась в ее келии и тщательно все осмотрела, но кроме спичек и гвоздей ничего не нашла. Тогда, умилившись сердцем, подошла она к покойнице и, поклонившись ей, сказала: "прости меня, Меланьюшка! Я всегда думала, что у тебя есть деньги и много добра; а теперь вижу, что ты жила Бога ради, и нет у тебя ничего, кроме рубища..."

Елецкие граждане, проникнутые чувством глубокого уважения и благоговения к почившей, разобрали на благословение не только одежду, но и самый мох и почти всю ее ветхую келию. Ко дню погребения прилив народа сделался еще значительнее.

До исполнения 40 дней, после кончины Мелании, постоянный приток народа в монастыре не прекращался. Монастырь был наполнен народом день и ночь. Священнослужители едва успевали, по желанию чтителей памяти почившей Мелании, совершать панихиды.

Очень естественно, что такое положение дела не могло не обратить на себя внимания местного начальства, как светского, так и духовного. То и другое нашло нужным донести, по начальству, о столь знаменательном сочувствии народа к памяти затворницы. В следствие таковых донесений, губернским и епархиальным начальствами предписано было собрать на месте надлежащие сведения, результатом которых были следующие донесения:

В 1836 году 31 июля, при допросах, было объявлено об исцелениях, в Знаменском монастыре, от почившей в нем блаженной Мелании: 1) Елецкого уезда села Афонасьева однодворец Потап Антонов Ачкасов, что 14-ти летний сын его

Никита, бывший немым 9 лет, стал говорить; 2) елецкая мещанка девица Авдотья Финогенова Русина, что, 6 лет быв одержима болью – не владением руки, со сведением жил, получила выздоровление; 3) Елецкого уезда, села Архангельского, Маслов – Отвершек тоже, ямщик Никита Федоров Миленин, что 20-ти летний сын его Антон, быв 7 лет одержим болезнью, от коей сделался в виде лишенного рассудка, с 17 июля, чувствует себя здоровым, так что будто бы не имел никогда болезни; 4) Елецкого уезда, деревни Сусловой, однодворец Егор Федоров Селиванов, что 23-х летняя дочь его, сделавшись на 7-м году от рождения нема и глуха, 19-го июля начала говорить и слышать; 5) елецкого мещанина Петра Андреева Шилова 22-х летняя дочь девица Александра, что, три года быв одержима припадочною болезнью, она получила ныне выздоровление; 6) Елецкого уезда, села Долгова, деревни Слободки, однодворца Ивана Петрова Саввина, 20-ти летняя Авдотья, что она, страдая с самого почти рождения падучею болезнью, с помешательством рассудка, получила теперь совершенное исцеление; 7) елецкий мещанин – Василий Иванов Валуйский, что у сына его Николая сведена была нога с полугодичного до семилетнего его возраста, а 26-го июля, во время отправления по Мелании поминовения, сделалась здоровою*.

Но озлобленный враг, не терпя своего побеждения и завидуя пользе душ человеческих, успел воспользоваться неверием некоторых лиц, и бывшие при гробе ее благодатные исцеления стали приписывать невежеству народа и вымыслам игуменьи. Начались разноречивые толки и несправедливые доносы. То повело к тому, что орловский епископ,

---

* Взято из донесения, представленного при отношении от орловского губернатора Г. Кочубея, к орловскому преосвященному Никодиму, 9 августа 1836 года, в консисторском архиве.

преосвященный Никодим предписал протоиерею Подлитовскому навести справки: какого рода обстоятельства в Знаменском девичьем монастыре привлекли такое внимание всего города и окрестных жителей? Уполномоченный протоиерей собирал сведения, в которых, между прочим, им было сообщено преосвященному Никодиму, что августа 9-го дня, Тульской губернии, Одоевской округи, селения Башева, помещика Пожидаева крепостной дворовый человек Дмитрий Трофимов, явясь к игуменье Глафире, объявил ей при монахинях Мариамии и Анатолии, что он год и семь месяцев, при расслаблении груди с ломотой и кашлем, страдая безпрерывным дерганьем жил в языке, на пути своем в город Воронеж зашел, 24-й день минувшего месяца июля, на гроб девицы Мелании, отслужить панихиду, и здесь, с могилы ее взявши несколько песка, положил на свой дергающийся язык, и часть песка даже проглотил, от чего через несколько минут почувствовал в языке своем спокойствие, и, с тех пор, чувствует себя совершенно здоровым, и что он теперь, уже на обратном пути из Воронежа, пришел опять к гробу девицы Мелании, решительно по чувству своей благодарности за полученное здесь исцеление*.

Кроме сего игуменья Глафира, в показании своем от 3-го августа, объяснила о почившей затворнице Мелании следующее: "Какая была предшествующая причина того, что как жители города Ельца, так и окрестных мест, возымели такое великое усердие к умершей, сего 1836 года, июня 11-го дня, в подведомом мне елецком девичьем монастыре, престарелой девице Мелании, что в великом числе стеклись на ее погребение и после оного, до сего времени, не перестают стекать-

---

* Взято из рапорта от 10-го августа 1836 года благочинного протоиерея Подлитовского к орловскому Епископу Никодиму, в консисторском архиве.

ся и служить на могиле ее панихиды, я того проникнуть не могу, а полагаю, что оно могло произойти от питаемого издавна уважения граждан и окрестных жителей к ее строгой затворнической жизни, по которому некоторые из оных, еще во время жизни ее – Мелании, зная ее крайнюю нищету, тайно вспомоществовали ей, и из желания воздать долг почитания и любви той, которая при жизни его бегала. Разглашений же как о жизни ее Мелании, так и о смерти, могущих обратить особенное внимание и возбудить в народе к ней почитание, как ни я сама, так ни священно-церковнослужители монастырские, ни подчиненные мне монахини и послушницы, – никаких не делали. Умерла же она, Мелания, без свидетелей, полагаю, с ночи на 11-е число июня. Ибо, когда приносившая ей воду, в течение последнего года ее жизни, послушница Наталия, принесла оную по обычаю поутру, еще во время отправления утрени, то увидела, что дверь в келию, против обычая ее, Мелании, была отперта, и как ставень в окне был заперт, и два волоковые окошки были задвинуты, то она, почетши это за нечто необыкновенное и притом не слыша голоса Мелании, тотчас придя в церковь, донесла мне об этом. И как я в этот день готовилась приобщиться Святых Таин, то и не могла сама пойти в келию ее, Мелании, а послала с этою послушницею двух рясофорных монахинь – Палладию и Евстолию, которые, пришедши и отперши окна, увидели ее, затворницу, мертвою, лежащею на полу боком в одной срачице, имеющею лицо обращенное к иконе Спасителя, сидящего в темнице, и с воздетыми руками. Ибо она не имела никакой другой, приличной монашескому роду жизни, одежды, и погребена в одеянии, пожертвованном некоторыми из монахинь.

"Жизнь она, Мелания, вела строгую, подвижническую, и для собеседования с собою почти никого к себе не прини-

мала и даже меня допустила к себе только раза два или три, а после, когда я хотела быть у ней, она, отзываясь больною, к себе не впускала. С которого времени она жила в монастыре, я достоверного сведения не имею, ибо при делах монастырских нет никакого письменного документа на ее поступление в монастырь. И когда я, при поступлении моем на должность игуменьи, посещая келию ее, Мелании, спросила у ней письменного вида, она мне отвечала: что ей, как здешнего города жительнице, никуда из монастыря не отлучающейся, другой вид не нужен, а потому я, по уважению образа ее жизни, более о сем ее не безпокоила. По рассказам же поступивших прежде ее, Мелании, в монастырь, монахинь Феофании и Македонии, жила она в сем монастыре около 50 лет, прежде – с родною сестрою своею Екатериною, умершею и погребенною в сем монастыре, лет за 30-ть пред сим, а после сего она жила одна. Пострижена ли она была, или посхимлена тайным образом, я того не знаю, и ни от кого не слыхала, да и никто из живущих в монастыре не называл ее ни монахинею, ни схимницею, а известна она была под именем затворницы. Служить панихиды по ней, Мелании, я не могла воспретить священникам, ибо сим я могла бы навлечь ропот и неудовольствие, как от граждан, так и от приезжавших нарочито для сего из других, и даже отдаленных от города Ельца, мест. Погребена она, Мелания, в самом монастыре, потому что и все умирающие в монастыре в оном же и погребаются"*.

Но Промыслу, по недоведомым судьбам его, угодно было послать испытание тем, кои так усердно и искренно свидетельствовали свою веру в святость жизни затворницы. После означенной формальной переписки, последовало запре-

* Взято из показания игуменьи елецкого Знаменского монастыря, благочинному протоиерею Подлитовскому в 1836 году, в консисторском архиве.

щение служить панихиды по девице Мелании. Все замолкло, народ приуныл и соболезновал о запрещении.

Весною 1837 года, преосвященный Никодим сам приехал в Елец и, быв на Каменной горе, в девичьем монастыре, требовал от игуменьи должного ответа по всем донесениям. Кроткая игуменья Глафира подтвердила все то, что было объяснено в ее показании. Но эта тяжкая формальность до того возмутила ее душу, что она считала это напастью от врага, и чтобы избавиться от этого, удалилась на покой. В это время преосвященный Никодим вновь подтвердил указание не служить панихид над гробом, а только в церкви, и обо всем донес святейшему Синоду.

К годовой памяти затворницы Мелании, неизвестно от кого, привезена 10 июня 1837 года, чугунная доска с приличною надписью и положена тайно на ее могиле. Эта доска и доныне остается на своем месте. На доске находится изображение креста с двумя вылитыми надписями. Она из сих надписей вокруг по краям доски: *Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная;* другая надпись внизу креста: *Здесь покоится прах рабы Божией, девицы Мелании, скончавшейся в 1836 году, июня 11 числа. Она поступила в обитель в 1778 году, из однодворческого звания, елецкой Ламской слободы, на двадцать первом году. В затворе жила она 17 лет, по самую ее кончину. Блажени мертвии умирающии о Господе.* К тому же времени получено из святейшего Синода дозволение *отправлять панихиды по девице Мелании,* и дано знать игуменье о том указом, из орловской духовной консистории, от 31 июля 1837 года, за № 6261. Но все представленные сведения о бывших исцелениях остались в неизвестности. После этого о новых событиях уже и не представляли.

Между тем 1839 года, июля 26 дня, огласилось еще одно событие: дочь смоленского помещика, девица Вера Николаевна Соколова принесена была на руках, от расслабления ног, и в присутствии многих свидетелей получила совершенное исцеление. Как приехавшие с нею, так и живущие в монастыре не могли умолчать об этом. Отцом исцелевшей, Соколовым, было сделано показание, со всеми подробностями, болезни его дочери и совершившегося над нею исцеления, и засвидетельствованное многими лицами, оно хранится и теперь в числе монастырских бумаг.

X.

Замечательные обстоятельства после ее кончины.

Не может рука человеческая разорить дело Божие. Прошли годы, многое переменилось, но уверенность в святости жизни и благоугождении Богу затворницы Мелании не изгладилась. Все живущие в монастыре, на той же Каменной горе, где она подвизалась, испытывают на себе помощь ее святых молитв и утверждаются верою, по многим обстоятельствам, которые на наших глазах совершаются, и всякому благочестно внимающему могут доставить душевную пользу.

Мы упомянем здесь только некоторые более известные случаи:

1) Монахиня Елпидифора рассказывала о себе следующее: "По кончине блаженной Мелании поручено было мне, как ближайшей соседке, хранить ее келию и, за послушание, вводить в нее приходящих. По зависти вражьей кто-то донес игуменье, что я воспользовалась деньгами, которые подавали усердствующие. Меня оштрафовали монастырским нака-

занием: не позволили получать милостыню и читать неусыпаемую Псалтирь. Через это я должна была лишиться монастырского пособия и при всегдашней моей бедности терпеть еще большую нужду. Я плакала, просила прощения, оправдывалась. Но все было тщетно. В одну ночь вижу во сне затворницу Меланию, она говорит мне: "Не плачь. Я знаю твою скорбь. Иди, выполи траву около моей келии, и Господь утешит тебя". Я встала и, помолясь Богу, тотчас пошла полоть траву около ее келии. К концу моей работы, в углу маленького ее задворка я нашла узелок и в нем несколько серебряных монет. Я заплакала от радости. Не столько деньгам я обрадовалась, сколько тому, что угодница Божия утешала меня своею милостынею. И, к удивлению, я на эти деньги купила все, в чем имела нужду. Но вот что еще более поразило меня: в жизни моей, я много оскорбляла ее. И постигшую меня скорбь я уже принимала, как заслуженное мною наказание от Бога, а она меня так видимо утешала. Впрочем, она еще и при жизни своей мне все простила: позвала к себе, угощала меня чаем, дала мне подарки и сама просила у меня прощения. И теперь вот как помогла мне в скорби моей!"

Таково незлобие истинных рабов Христовых, что и ненавидевшие их делаются проповедниками добродетели их. И исполняется слово Господне: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят* и уразумеют сердцем своим *ваша добрая дела: и прославлять Отца вашего, иже на небесех* (Мф. 5, 16).

2) В 1841 году на Каменной горе производилась постройка монастырской каменной колокольни. Вдруг в приготовленном месте для основания здания открылась вода, и в таком количестве, что после многих усилий приходилось оставить это основание и начинать его на другом месте. А иного места не было. При таком затруднении кто-то посоветовал

положить несколько ветхих бревен из келии затворницы в эту воду. Что же вышло? В то же время молитвами блаженной вода иссякла. Основание докончили как должно, и построенная на нем колокольня доселе стоит благополучно.

3) В 1838 году при постройке каменной ограды вокруг монастыря было необходимо отодвинуть некоторые прежние монашеские келии, и те монахини, на чью долю выпадало такое безпокойство, очень скорбели. Одна из них решалась лучше перейти в другой монастырь, нежели подвергнуться такому стеснению на всю жизнь. В скорби своей она просила совета и святых молитв Сезоновского затворника Иоанна. Он отослал ее обратно на Каменную гору и велел просить святых молитв у своих заступниц: *схимонахини Елизаветы и затворницы Мелании*, уверяя, что за их святые молитвы все они будут покойны*. Она возвратилась. Но уже рвы для основания новой ограды были выкопаны, и надо было ожидать окончательного приказания ломать келии. Тогда, сверх чаяния, слух об этой скорби их дошел до елецких граждан. Некоторые из них отправились на Каменную гору и, удостоверившись, что это действительно так, согласились просить настоятельницу отнести ограду подалее, а келии не ломать, и упросили ее. А подрядчику за весь убыток охотно уплатили своими деньгами**.

Старец Задонского монастыря, монах Сергий, зная богоугодную жизнь затворницы Мелании, весьма сожалел, что за отсутствием, после кончины ее, не мог получить себе ни одной вещи ее на благословение. По приезде его в Елец, она

---

* Вскоре после этого затворник Иоанн присылал на Каменную гору своего послушника просить себе для исцеления от болезни воды из монастырского колодезя. Уважая его просьбу, игуменья Павлина сама ходила почерпать воду из колодезя и отослала ему.

** Взято из устного рассказа самой монахини, до сих пор живущей в монастыре.

явилась ему во сне и сказала: "Если хочешь благословения, возьми себе на память мой платок и мои волосы, завернутые в нем. Эти волосы исторгнуты у меня из головы моей злыми демонами, когда они, попущением Божиим за грехи мои, нападали на меня во время молитвенного подвига моего в ночи. Ты можешь отыскать их в святом углу, под полом в моей келии". По этому указанию, действительно, старец Сергий нашел платок и волосы в нем и хранит их у себя, как оружие от бесовских искушений.

5) Этот же старец Сергий сожалел, что в последнее время не сняли портрета с затворницы Мелании и разговорами своими внушал и другим то же сожаление. Она снова явилась ему во сне и приказала ему хорошенько заметить черты лица ее. Видел он ее с большим сияющим крестом в руках, и по рассказу его живописец изобразил ее подобие столь удачно, что все знавшие ее лично находят портрет очень похожим. Только не могла рука художника изобразить той неземной уже красоты и славы, которая осиявала ее в этом сновидении.

6) Первый портрет затворницы Мелании был поставлен в келии монахини Нектарии, в то самое время, когда преосвященный Никодим был в Ельце и осматривал все памятники почившей. Он сам ходил по келиям монахинь и послушниц, желая удостовериться: нет ли чего особенного? Все были приготовлены к этому, а о портрете забыли, хотя прежде намерены были спрятать, опасаясь, чтобы владыка не вменил им в вину того, что портрет был написан без его благословения. Преосвященный был в этой келии, и все сановники с ним были, но никто не видал портрета. Когда все кончилось, и владыка уехал, благочинная сказала: "Хорошо, что вы спрятали Меланьюшкин портрет, а то могла бы быть тут неприятность". Все с изумлением посмотрели на благочинную и мол-

чали от испуга. Портрет и в ту минуту висел на стене на видном месте, и никто не заметил его.

7) Когда строилась монастырская каменная ограда, многие из монахинь слышали во время сна голос затворницы Мелании, призывавшей их к послушанию: носить кирпич. А монахиня Назарета, воспрянув от сна, продолжала видеть ее наяву, уходящую из келии после такого же призыва к послушанию.

8) Одна монахиня, по имени Иннокентия, необыкновенным образом испытала на себе скорую благодатную помощь молитвами блаженной Мелании. Живя от юности на Каменной горе, она с самого начала вступления своего в монастырь чувствовала припадки головной боли и тоски. В совершенных летах болезнь ее усилилась: иногда бедная страдалица почти не могла владеть собою. В одно время тоска усилилась в ней до того, что в уме несчастной начала мелькать мысль о самоубийстве. В невыносимой скорби она легла и безсознательно смотрела на предметы. Вдруг глаза ее остановились на портрете затворницы Мелании: лицо портрета одушевилось, глаза выражали строгий укор и, тихо приподняв руку, блаженная долго грозила ей пальцем. С трепетом вскочила с постели скорбящая и бросилась на колени, со слезами начала просить прощения, и искушение миновалось. С тех пор ни тоска, ни головная боль не безпокоят монахиню Иннокентию, и она, не скрывая, благодарит свою избавительницу.

9) Орловской губернии, Елецкого уезда, деревни Ливенской помещица, жена ротмистра, Александра Феодоровна Семашко, быв еще в молодых летах, страдала зубною болью, около двух недель не принимала пищи, кроме жидкостей, и не имела сна. Родственники ее прилагали многие старания о ее исцелении и приглашали доктора, но болезнь казалась такою упорною, что все было безуспешно. Наконец, среди не-

умолкаемых страданий, больная начала призывать в помощь елецкую затворницу Меланию, в то время недавно почившую, и бывшими при ее погребении знамениями огласившую всю окрестность, и в скорби души своей говорила так: "Если ты действительно угодила Богу, Меланьюшка, исцели меня". И вдруг почувствовала, что кто-то тянет и выдергивает больной зуб у нее. Больная вняла этому действию, и к удивлению своему ощутила, что боль унялась. Она в радости позвала свою няню Екатерину и, рассказав ей свое внезапное исцеление, просила дать ей что-нибудь поесть, так как она за столь долгое время болезни весьма отощала. После этого зубы у ней не болели более 10 лет. Действие это происходило 1838 году в селе Избищах, тамбовской губернии, лебедянского уезда, в доме родного ее дяди, помещика Андрея Матвеева Клишина.

10) Второе исцеление молитвами той же затворницы Мелании было в том же 1838 году, над больною матерью госпожи Семашко, раненбургскою помещицею Анастасиею Матвеевною Буниною. В начале июня месяца у госпожи Буниной заболела нога, распухла и отекла до колена. Страдания продолжались несколько дней, и пособия были безуспешны. Это привело ей на память недавнее исцеление дочери ее молитвами затворницы Мелании, и приближающийся день летней памяти последней 11 июня, почему больная, несмотря на то, что была почти недвижима, приказала положить себя с постелью в карету и везти ее в Елец на Каменную гору в девичий монастырь. Путешествие совершилось благополучно. Больную принесли на руках в келию дочерей ее, девиц Наталии и Софии Федоровны Буниных, недавно поступивших в этот монастырь. Первую ночь по приезде больная провела в сильных страданиях. Утром, по желанию ее, во время обедни принесли ее в церковь и поддерживали сидящею в кресле. По окончании службы все

пошли на гроб затворницы Мелании, так как это было 11 число июня – день ее памяти, и больная, с усилием поднявшись, с помощью других пошла туда же. По окончании панихиды поклонилась ее гробу и с радостью ощутила, что нога ее не болит. Она еще и еще поклонилась, походила кругом, взяла песку от могилы своей скорой целительницы и, возвращаясь оттуда, уже не требовала помощи, но свободно взошла по лестнице на мезонин, где в то время занимала комнату госпожа Семашко, которой она объявила все происходившее с нею и показала ей исцеленную свою ногу*.

В истекшем 1870 году, апреля 13, утром прибыл на Каменную гору из города Пскова некто г. Г. С. Лошаков и просил отслужить панихиду на гробе затворницы Мелании, объявляя о себе, что он был неисцельно болен золотухою, которая с детства и до совершенного его возраста мучила его головною болью и открывалась у него на голове ранами, в следствие чего он сделался глух. В одно время родная тетка его, монахиня, рассказала ему нечто о елецкой затворнице Мелании, он начал призывать в помощь ее святые молитвы и, чувствуя облегчение, дал обещание отслужить на гробе панихиду. После этого обещания, без всяких медицинских пособий, у него сначала открылся слух, а потом он и совершенно выздоровел.

В памяти у Елецких стариц сохранилось одно привычное слово затворницы Мелании, которое бывало многозначительно по духу выражения, когда она его произносила. Бывало, скажет: "Чуешь, сестрица?" Это слово дополняло тот разговор, которым она внушала каждому полезное.

---

* Оба эти случая госпожа Семашко рассказывала лично в келии настоятельницы елецкого Знаменского монастыря, в присутствии уполномоченных от епархиального начальства членов и благочинных: Троицкого монастыря архимандрита Флорентия, протоиерея Алексея Вуколова и протоиерея Василия Протопопова, съехавшихся того же 1870 года марта 16 дня, для собрания сведений по случаю новосоставленного жизнеописания елецкой затворницы Мелании.

Некто, старец Задонского монастыря, ученик схимонаха Агапита, видел ее в тонком сне в великолепном доме, среди необыкновенного прекрасного сада, и когда ему дозволено было взойти в дом, то в первой и во второй комнате он видел одни богатства и украшения. Далее в великой светлости за убранным столом увидел затворницу Меланию, сидящую благолепно с некоторыми монахами. "Матушка Мелания! Как зашла ты сюда, и чей это дом?" – "Благодатью Господа моего Иисуса Христа, это мой дом. И эти монахи из елецкого монастыря. Господь повелел мне посещать мой монастырь, и я бываю в келии у каждой сестры: я жду того времени, когда они все соберутся сюда".

Да исполнится обещание сие над обителью!

Когда мы проводим кого-либо из обыкновенных людей, милых и близких нашему сердцу, ко гробу, мы долгое время жалеем о них, скорбим и для отрады печального сердца нашего часто желаем знать о их загробной участи. Но тайна остается тайною. Мы посетуем, поскорбим и потом иногда забываем и об отшедших от нас и даже о желании нашем знать о их загробной участи. И только помним их тогда, когда общая матерь наша, св. Церковь, призывает нас к должному поминовению их в установленные дни.

Не так бывает по отшествии от нас людей, которые отличались особенными подвигами благочестия и безпредельной любви к Господу. Расставшись с ними, мы долго чувствуем сиротство – везде, куда бы ни пошли. Невольно вспоминаем что-то приятное в прошедшем, и у других встречаем некоторое сочувствие при воспоминании о тех временах и событиях, которые до них относятся. Сравниваем те времена с настоящими и обыкновенно отдаем преимущество прошедшему. И сами избранники Божии, переселившись в мир гор-

ний, напоминают нам о себе, давая нам чувствовать, что они молятся о нас *там*, и мы утешаемся, когда воспоминаем о них *здесь*.

Особенно же в случающихся скорбях наших мы как будто слышим утешительный голос их, ободряющий нас и вместе напоминающий нам о суетности и ничтожности этой кратковременной жизни. Не есть ли это одно из доказательств, что они живы и по смерти и помогают нам своими молитвами, возбуждая нас искать горнего отечества и той небесной славы, которой они удостоились во блаженном успении? Это несомненно. Притча у святого евангелиста Луки о *богаче* служит тому неоспоримым доказательством. Несчастный богач, заключенный в муках, явил столько сострадания к своим ближним, что просил о вразумлении их: *Молю тя убо, отче Аврааме, да послеши его* (Лазаря), *в дом отца моего: имам бо пять братий; яко да засвидетельствует им, да не и тии приидут на место сие мучения... но покаются* (Лук. 16, 27–30).

А избранники Божии, пламенеющие серафимскою любовью к Богу и ближним, как не пожелают нам добра? Как не будут молить Бога и пещись о нашем спасении? Проходят столетия, тысячелетия, а они все живут в памяти у потомства, и благодатная помощь их не оскудевает.

Рассеиваемся мы, верующие, по всему лицу земли, а горние обитатели, как звезды небесные, близки к нам повсюду. Однако же замечено, что и блаженные небожители, пребывая духом в Церкви, торжествующей на небесах, всегда помнят свое земное отечество и особенно покровительствуют там, где они трудились во временной жизни, проливали пот и кровь и добрым примером назидали верующих. Там более и прославляется через них великое имя Божие.

Должны и мы более заботиться о прославлении тех святых или истинно благочестивых людей, которые жили и

подвизались на тех местах, где и нам Бог привел жить и подвизаться о спасении нашем.

На этом основании и мы, с помощью Божиею и призывая святые молитвы подвизавшихся на Каменной горе, положили намерение собрать, и посильно собрали благочестивые предания от неложных уст самовидцев и некоторых участников в собственных обстоятельствах жизни или случаев, бывших с ними и касающихся богоугодной жизни девицы Мелании, пожившей на этой Каменной горе 58 лет и скончавшейся в затворе 1836-го года, июня 11-го дня.

Всех лет земной жизни затворницы Мелании было 77.

Уповаем же, что ныне пребывает она в нестареемой жизни и в безконечном веселии, радуясь о Боге Спасителе нашем со всеми святыми Его.

XI.

И теперь, когда все указывают на громадное значение, которое имеют монастыри в жизни нашего народа и когда вопрос о реформе их, задуманный в настоящее время духовным ведомством, приближается к разрешению, нелишне будет обратить внимание на простоту условий истинного монашеского жительства. Вот пред нами скромное описание жизни великой подвижницы нашего времени, прославляемой Богом, елецкой затворницы, девицы Мелании. Оно может послужить к тому самым лучшим указателем. Что проще воспитания сельской девицы? И что обыкновеннее тех приемов благочестия, с какими вступила она на поприще монашеской жизни и исполнила свое великое призвание? На Каменной горе еще не было монастыря, а она уже монашествовала, подобно древним подвижникам, по всем правилам ду-

ховного закона. Бог, Сам, был ее руководителем. Потому что сердце ее не было испорчено ложными внушениями мира, а вера православная охраняла ее от вредных приражений, случающихся и в домашнем быту. Успехи ее добродетели были замечательны еще во время сеяния их. Слово Божие, падая на добрую землю чистого сердца, умножало плоды духовные, которые теперь видимы и сознаваемы не в одной елецкой округе, где было место ее подвигов, но можно сказать, во всей православной Церкви.

Вероятно, все, что духовное ведомство предполагает устроить на пользу наших монастырей, будет принято с покорностью и будет для них полезно. Но, чтобы уменьшить нарекания и устранить поводы к ним, надо знать, откуда они проистекают. "В наш век, гордый своим преуспеянием, большинство человеков, провозглашающее себя и христианами и делателями обильнейшего добра, устремилось к совершению правды падшего естества, отвергнув с презрением правду евангельскую". Это замечание, вполне справедливое, сделано еще в начале нынешнего столетия некоторыми духовно-просвещенными иноками и, из числа их, одним епископом, жившим во многих русских монастырях. Им же указаны многие прекрасные способы касательно внешнего и нравственного улучшения наших общежительных монастырей*. Усиливающиеся же в современном обществе разного рода нарекания, направленные против монастырей и монашествующих, имеют свое основание, но не в устройстве наших монастырей, а в подрыве христианского духа, вообще, какими-то легкими суждениями во всех классах нашего обширного отечества, стремящихся к ложному образованию и позволяющих себе меч-

* Приношение современному монашеству и аскетические опыты епископа Игнатия Брянчанинова, том 4.

тать о таких предметах, которые вовсе не подлежат своевольным воззрениям и переменам. Можно сказать, современное общество не приготовляет своих членов к достохвальному служению Богу в монашестве, но едва уступает и тех, которые чувствуют в себе призвание к этой жизни. С каким же трудом в монастыре должны подлежать исправлению такие неправильные понятия? Но видно, так надо быть тому, чтобы во всякое время были свои препятствия, с которыми должны бороться современные иноки. *Тесен и прискорбен путь вводяй в жизнь вечную, и мало их есть иже обретают его* (Мф. 7, 14).

Было время, когда келия затворницы Мелании имела снаружи вид запустелой хижины: дверь ее заросла травою, окно всегда было закрыто ставнем; тропинка лежала мимо келии и спускалась вниз по горе маленькими ступеньками, терявшимися в густой зелени.

Иногда проходящий странник, взбираясь на Каменную гору, пройдет мимо и, отслушав в монастырской церкви Божественную службу возвращается опять тем же путем. И вдруг остановясь, спрашивает с удивлением: "Зачем эта опустелая хижина бережется в вашем монастыре?" Тогда и нехотя кто-нибудь отвечает ему: "Здесь уже столько-то лет живет Бога ради затворница, девица Мелания". При этих словах невольно чувство благоговения наполнит душу каждого. Он осенит себя крестным знамением и терпеливо ждет, что скажут еще о дивной рабе Божией. И запечатлевает в своей твердой памяти все мимолетные слова касательно жизни и духовных подвигов затворницы. Как святыню уносит с собою драгоценное свидетельство о доброй подвижнице в отдаленные города и селения. И изредка повествует о ней другим, подобным себе странникам и прочим боголюбивым слушателям. По таким-то памятникам с самой кон-

чины затворницы, девицы Мелании, многие из далека приходили на Каменную гору. И некоторые святители* посещали скромную могилу ее, совершали панихиды, и усердно молясь, вместе поручали и себя ее святым молитвам. В настоящее время, с благословения преосвященного Макария, епископа орловского, усердием елецких граждан, на гробе затворницы, девицы Мелании, устроен новый памятник**: чугунная часовня, в виде маленькой келии, белого цвета, осененная золотым св. крестом. Внутри ее горит лампада пред изображением Распятия Господа нашего Иисуса Христа, написанного красками, с предстоящими у креста Пречистою Девою Богородицею, св. Апостолом Иоанном и Мариею Магдалиною. На северной стене изображена преп. Мелания Римляныня – ангел затворницы, а на южной – св. великомученица Екатерина. Снаружи, на восточной стене памятника, вверху, сделано маленькое портретное золотое изваяние самой затворницы, а по всей стене надпись крупными золотыми словами: *Благословен Господь, ибо Он услышал голос молений моих. На Него уповало сердце мое и Он помог мне* (Пс. 27).

Аминь, Аминь, глаголю вам: веруяй в Мя, дела яже Аз творю и той сотворит и больша сих сотворит (Иоан. 14, 12).

Когда сооружался этот памятник в городе, и на Каменной горе, очень часто возбуждались приятные воспоминания о затворнице, и подкреплялись новыми поразительными доказательствами неистощимой благодати Божией, проливаемой ее святыми молитвами на всех изобильно. О неко-

---

* В 1861 году преосвященный Сергий, епископ Курский, проезжая в Задонск, на открытие мощей св. Тихона, заехал на Каменную гору и в качестве простого иеромонаха служил панихиду на гробе затворницы Мелании. Уже по отъезде его, сделалось известно в обители, кто он.

** Памятник сооружён в Ельце, на заводе почётных граждан, братьев Криворотовых.

торых мы обязаны упомянуть здесь, чтобы восполнить прежние сказания.

Блаженная Мелания незримо, но живо присутствует на Каменной горе. Многим является в сновидениях. Помогает в скорби, решает недоумения, призывает на молитву, исцеляет неизлечимые болезни, иногда обличает со всею кротостью и покаявшихся утешает. Только одни бесноватые не могут подойти покойно к ее могиле, но падают без чувств. А иногда жестоко вопиют, терзаются, хулят святыню и так же, как и прежде, при ее погребении, поминают, как бесы искушали блаженную в затворе и как теперь нелегко им повиноваться ей и быть прогнанными из своих жилищ, данною ей благодатью Христовою.

Нередко бывает, что и приближение к портрету затворницы производит на них такое же действие. Они сильно возмущаются, когда где-нибудь видят его. А которые из этих недужных еще могут владеть собой, те поскорее удаляются. Но во всех проявлениях зависть и ярость бесов бывает страшная и отвратительная.

Но где взять слов, чтобы противоположно мрачным действиям злобы изобразить святую тишину и веяние благодати, в ночные часы, на месте погребения доблестной подвижницы Христовой! Много раз живущие в обители наемные сторожа и насельницы монастыря видали свет как бы зажженной лампады или другого огня, возвышающегося от земли, а иногда объемлющего дивным сиянием весь гроб блаженной затворницы. Некоторые испытывали и убеждались, что свет был невещественный.

О гроб, исполненный надежды воскресения! Ты уподобляешься чертогу духовному на земле, сокровенному для ближайшего общения с нами, чтобы и нас, ленивых и унылых, воздвигнуть светлостью твоею от земных помышлений к духовным предприятиям.

1. Однажды, в ночь на Сошествие Святаго Духа*, престарелая монахиня Маврикия была зрительницею одного из таковых дивных видений. Побуждаемая особенным движением духа, в самую полночь, она вышла на монастырь и, помолившись на восток, сначала увидела малую зарю, светящую как бы от гроба затворницы Мелании, а потом сделалось великолепное сияние. Долго стояла удивленная монахиня – сердце ее исполнялось благоговейного страха и радости. Хотелось ей позвать других стариц, но сверхъестественная сила приковывала взоры и внимание ее к чудному видению. Она не могла насытиться восторгом до тех пор, покуда видение кончилось. Остаток ночи она провела в слезах и молитве, мысленно беседуя с блаженною затворницею. Ей была памятны страдальческая жизнь подвижницы и радостно и досточудно ее прославление. И на следующий день в чувствах ее происходило тоже умилительное впечатление.

2. Другая монахиня, Модеста, была утешена явлением затворницы Мелании во сне следующим образом: несколько лет Модеста жила на Каменной горе вместе с своею дочерью, юною монахинею Митрофанией, и надеялась мирно докончить преклонные дни свои на ее руках. Но Бог устроил иначе. Митрофания простудилась и неожиданно умерла от горячки в цвете лет. С тех пор сердце матери непрестанно удручалось крепкою печалью. В одно такое время она видит блаженную затворницу, которая говорит ей: "Полно тебе скорбеть! Потрудись лучше, Бога ради, продавай мои книжечки". Опом-

---

* В 1871 году мая 16-го монахиня Маврикия объявила это видение в церкви, после службы, казначее, монахине Маргарите и монахине Ангелине, клятвою подтверждая истину слов своих. Безукоризненная жизнь самой Маврикии не позволяет сомневаться в её свидетельстве. Она более 50 лет живет благочестиво на Каменной горе и имеет от роду более 70 лет. Подобное тому видел сторож, человек старый, но одарённый крепостью сил и необыкновенно смелый, – он упал от страха и на коленах едва дополз до своей караулки и долго молился.

нившись, Модеста чувствовала радость и недоумевала: какие это книжечки надо ей продавать? К тому же, она была неграмотная и удивлялась загадочному сновидению. Между тем, слова затворницы запали в ее душу и производили радостное ожидание. Через несколько дней были получены в обители книги "Жизнеописания затворницы девицы Мелании" и действительно поручено от настоятельницы монахине Модесте предлагать их желающим при свечной продаже, так как это было всегдашнее ее послушание. Удивилась скорбящая старица такому ясному повелению затворницы, исполнившемуся на самом деле, и молитвами ее благодушнее стала переносить свое грустное одиночество.

3. В тоже время некто, офицер пехотного Дорогобужского полка, квартировавшего в Ельце, томимый долговременною лихорадкою, задумал оставить службу. С этою мыслью пришел он через силу в монастырскую церковь помолиться Богу и, покупая свечу, спросил: какие это книжки лежат у вас в ящике? Монахиня Модеста объяснила ему, что это жизнеописание затворницы девицы Мелании, которое поручено ей продавать. Тогда офицер, вздохнув, отвечал ей: "Ваша Мелания великая угодница Божия! Я находился при смерти и видел ее во сне, а теперь вижу, что означает этот сон". Купив книжку, он пожелал отслужить панихиду на гробе затворницы и совершенно выздоровел. Через несколько времени приходил еще поклониться ее гробу и, не оставляя службы, последовал за полком на другие квартиры.

4. Елецкий мещанин Деев дал обещание служить ежегодно панихиду на гробе затворницы Мелании в памяти бывшего ему исцеления от расслабления ног и всего тела, которое он претерпевал несколько лет, но, укрепившись в здоровье, забыл свое обещание. Через три года болезнь его возвратилась. Он опомнился, немедленно прибегнул к своей доб-

рой целительнице и выздоровел. На следующий год опять забыл свое обещание и впал в другую болезнь – помешательство. Родные, соболезнуя о его жалком положении, привезли его на Каменную гору и, когда начали отправлять панихиду на гробе затворницы, он пришел в себя и, помолившись усердно, сделался опять здоров.

5. В селе Илька, Курской губернии, Суджанского уезда, в доме мещанина Абрамова, находится замечательный портрет затворницы Мелании, сохранившейся невредженным в огне. Это было в 1869 году. Ужасный пожар в несколько часов истребил дом и все надворное строение, но портрет был найден на дворе одиннадцатилетним мальчиком, сыном Абрамовых, посреди горящих угольев, оставшихся от большого запаса дров, погоревших мгновенно, вместе с прочим имуществом обширного постоялого двора. Этот портрет небольшого размера, писанный масляными красками, теперь стоит в киоте и чествуется неугасимою лампадою по вере добрых людей, которые, потеряв все свое состояние, не утратили надежды на помощь Божию и молитвами блаженной затворницы Мелании вскоре оправились от разорения. Часто в этот дом благочестивые люди приглашают своего приходского священника, о. Дмитрия Попова, просят его служить панихиды по девице Мелании, и заявляют ему о многих благодеяниях, бывающих молитвами блаженной затворницы.

Сведения об этом доставлены монастырю лично самими Абрамовыми, мещанином Феодором Трофимовым и женою его Анною Кононовою, приезжавшими в Елец для поклонения на гробе затворницы Мелании, по обещанию их, в июле месяце 1872 года.

6. Воронежской губернии, Богучарского уезда, Донецкой Подмонастырской слободы, государственная крестьянка Евпраксия Андреянова Полежаева, страдала два месяца от не-

выносимой зубной боли. В одну ночь, страдая более обыкновенного, она как бы обезпамятовала и видит блаженную затворницу Меланию, которая напомнила ей, что у нее хранится песок, взятый с ее могилы, и чтобы она потерла им свои больные зубы. Болевшая с радостью исполнила повеленное ей и получила совершенное исцеление. Движимая чувством благодарности, она не замедлила прийти в Елец и, разыскав на Каменной горе знакомую ей монахиню Антонию Вельяминову, объявила ей случившееся с нею, и со слезами истинного усердия поклонилась на гробе затворницы Мелании и выслушала панихиду.

7. Елецкий купеческий сын, Михаил Дмитриев Ульянов, будучи отроком, перестал ходить. Его носили на руках и пользовали медицинскими средствами, но болезнь продолжалась. Тогда принесли его на Каменную гору и поставили на могиле затворницы Мелании. Больной почувствовал оживление и, простояв всю панихиду без посторонней помощи, отправился пешком домой.

8. Девица Ольга Федоровна Щеголкова, проживая более 30 лет на Каменной горе, в услужении у помещицы, девицы П. И. Абдуловой, испытала на себе, молитвами затворницы Мелании, троекратное исцеление. В первый раз, будучи в горячке безнадежна к выздоровлению, после напутствования св. тайнами и елеосвящением, чувствовала прикосновение самой затворницы к своим ногам и получила оживление во всем теле. Во второй раз, заболев глазами, была освидетельствована доктором Шетнер, который определительно сказал, что у нее делается катаракт, и не ранее как по прошествии двух лет можно будет приступить к операции. Опечаленная таким отзывом, Щеголкова пошла на могилу затворницы и, помолившись, взяла песку, налив его водою начала ежедневно промывать ею свои больные глаза, и через несколько дней

совершенно исцелилась. В третий раз, по кончине своей госпожи, находясь в отсутствии из монастыря у своих благодетелей, уже в старости, Щеголкова подверглась снова болезни глаз и, получив обломок кирпичного надгробия с могилы блаженной затворницы*, истолкла его и, налив водою, опять начала ежедневно промывать свои больные глаза и снова получила совершенное исцеление. О чем с благодарностью пришла сама засвидетельствовать монастырскому начальству и поклониться на гробе безмездной целительницы своей, блаженной затворницы, девицы Мелании.

9. В то же время, когда было разобрано надгробие, страдавшая поражением спины, недвижимая от боли, живущая в монастыре, рясофорная послушница М. Леонова была принесена, по желанию ее, ночью, к могиле затворницы Мелании и положена просто на земле. Сначала она крепко стонала. Когда же стали растирать ее песком, она начала креститься и подвигаться, чтобы встать. В то же время, другие читали акафист Божией Матери. Больная незаметно поднялась и начала полагать земные поклоны. Спустя несколько часов, она без помощи могла возвратиться в свою келию, и утром чувствовала себя совершенно здоровою.

10. В последующие дни очень многие приходили служить панихиды на гробе затворницы Мелании и, остановясь друг с другом, беседовали о любимом предмете. В это время монахиня Иоанна открыла о себе собравшимся старицам, что она, будучи еще новоначальною послушницею и присутствуя при погребении блаженной затворницы, видела многие исцеления больных и усердие народа, но не понимая происходящего, засомневалась и подумала: "Чему там веруют! Умерла, как и про-

---

* В 1872 году, при поставлении нового памятника, делали и новый фундамент, из белого веневского камня; прочие же камушки и дощечки бывшего надгробия разобраны верующими и хранятся по домам для пользования больных.

чие умирают – и только". С этими мыслями она отделилась от толпы и не последовала за несением тела затворницы к могиле, но вознамерилась идти в свою келию. Вдруг ей показалось, что бегущий народ стеснил ее. Она подалась к церковной стене и упала на землю. Все кости ее затрещали так, что она чувствовала нестерпимую боль. В испуге она хотела подняться, но силы ее оставили. Тут она поняла свое согрешение и мысленно обратилась к почившей... Болезнь уступила несколько и она ползком доползла небольшое расстояние до своей келии. Возвратившиеся монахини нашли ее в том же положении и, узнав причину перемены ее здоровья, пошли обратно на гроб затворницы испросить прощение согрешения своей юной послушнице. Принесли оттуда земли и цветов и, растворив землю водою, кропили больную. Наконец больная попросила воды и, немного выпив ее с раствором той же земли, почувствовала себя здоровою. Немедленно, со слезами благодарности, она встала и пошла сама поклониться гробу блаженной затворницы. С тех пор монахиня Иоанна во всех обстоятельствах жизни своей прибегает с верою к молитвам блаженной затворницы Мелании и всегда получает благодетельную помощь.

Есть много и других заявлений, словесных и письменных, даже из отдаленнейших краев нашего обширного отечества*, о благодатной помощи от портретов, от могильной земли и других вещей, бывших в прикосновении с цельбоносными останками и употребляемых верующими с призыванием молитв блаженной затворницы Мелании. Но довольно и того, что мы теперь упомянули, желая душевной пользы всем прочитывающим ее краткое жизнеописание.

Скажем в заключении, что во все времена были и будут прославляемы Богом верные исполнители закона Божия.

---

* В монастырских бумагах хранятся письма из Петербурга, из Царицына, из Забайкалья и других мест, в котором изъявляется вера к блаженной затворнице.

Христос есть освящение святых. Не сами собою святые освятились, но Христовою кровью. Все их добродетели – суть плоды веры во Иисуса Христа. Несмотря на все перевороты земных человеческих отношений к православной вере во Христа, будут ревнители благочестия до конца дней всего мира. К этому, для желающих спастись, необходимо заметить, что истинная вера укрепляется смирением. Не может гордый дух воспитать в подвижнике самоотвержение, на котором основывается монашеское жительство.

Самоотвержение есть дело образовавшейся воли и разума. Следовательно, где почерпается это образование, там нужна не одна перемена местожительства и платья, и не внешняя обстановка, но полное уважение к тому намерению, цель которого так высока и безконечна. Прямее всего страх Божий научает нас всякой добродетели и постепенно вводит в пристань безстрастия. И этим-то благонадежнейшим путем, хотя бы среди бурь и неудобоносимых препятствий, с помощью Божиею, и в немощном теле совершается духовное жительство и достигается христианское совершенство.

Молитвами святых своих, да сподобит и нас Господь наш Иисус Христос получить от Него милость в день Судный!

Сообщил *Макарий, Епископ Орловский и Севский.*

ВОСПОМИНАНИЯ МОНАХИНИ

Сия икона – "Угодница Мелания" – игумении Елецкого девичьего Знаменского монастыря, что на Каменной горе. Моя мать "неродная", Пелагея Ивановна (которая умерла в 1964 году) с одиннадцатилетнего возраста в течение тридцати лет спасалась в этой обители. И во время своего пребывания в монастыре сподобилась она быть свидетельницей открытия святых мощей угодницы Мелании, которая пролежала в могиле восемьдесят лет (в истории монастыря было записано, в каком году она была похоронена).

А почему было открытие?

У нас в Ельце была династия знаменитых врачей Холиных. И вот однажды угодница Мелания явилась в сонном видении доктору, велев, чтобы он пошел и сказал игуменье о том, чтобы ее гроб с телом был перенесен в склеп, находящийся под церковью монастырской. Потому что ворота монастыря на день открывались и пасшиеся поблизости козы и овцы с подворий Каменной Слободы проникали на монастырское кладбище и оскверняли могилки.

Когда Холин пришел к игумении и стал говорить о сновидении, она посмотрела в записи и говорит: "Восемьдесят лет прошло, как ее похоронили, там теперь ничего нет, и праха". Но через некоторое время угодница Божия снова приснилась Холину, передав предупреждение о наказании его за невыполнение ее наказа. А когда Холину вновь не удалось решить вопрос о переносе захоронения, угодница Мелания в третий раз явилась Холину уже со страшным предупреждением о наказании. Он снова пришел к игумении, пал на колени пред нею и говорит: "Матушка игумения, пожалей меня!"

И тут игумения дала согласие. Вызвали полицию, собрали все священство и начали копать, а с игуменией даже сделалось дурно. Она боялась, что откопают, а там ничего не будет. Ведь ей за это тоже спасибо не скажут.

Но докопали до гроба, а он целехонек, достали, открыли, а матушка Мелания лежит цела и невредима. Более того – от нее повеяло каким-то благоуханием.

Дело было уже к сумеркам. И когда подняли гроб, чтобы нести в храм, то над гробом ясно виден был огненный столп очень высокий, и в нем все время шествия трепетал белый голубь. А несли ее священники на плечах в сопровождении певчих, несли знамена церковные – хоругви.

Опустили гроб в специально приготовленный склеп, но, видно, не было на то воли Божией, чтобы почивала матушка Мелания под спудом. Оба работника, что спустились запечатывать склеп, так и упали замертво. Еле отошли. И тогда решили поставить гроб с ее телом посреди монастырского храма. О, Боже мой! Сколько людей приходили приложиться к новообретенным мощам угодницы Божией. Целую неделю они открыто стояли в храме. А сколько исцелилось в те дни: и хромые, и слепые, и бесноватые. Все это регистрировалось. И Святейший Синод, после тщательного осмотра, решил мощи угодницы Мелании признать нетленными.

После стояния ее мощей в храме, их снова опустили в склеп, что находится под храмом, и замуровали в нем.

А после революции монастырь на Каменной горе закрыли. Монахинь судили, сажали в тюрьмы, ссылали на каторгу. Те, кого миновала чаща сия, все разбрелись, расселились в миру.

Вот почему Пелагея Ивановна в возрасте 45 лет вышла за нашего отца. Они венчались в Вознесенском соборе города Ельца и прожили с моим отцом вместе 33 года. Вперед

умер отец, а через шесть лет умерла и мать Пелагея. Похоронена Пелагея Ивановна в г. Ельце, на старом кладбище, где находится церковь.

В данный момент монастырский храм, где упокоены были мощи угодницы Божией Мелании разрушен, а бывшие келии заселены жильцами. Но жива благодать Божия, щедро дарованная угоднице Мелании. Так что, кто с верою в милосердие Божие матушку Меланию призывает, она всем помогает.

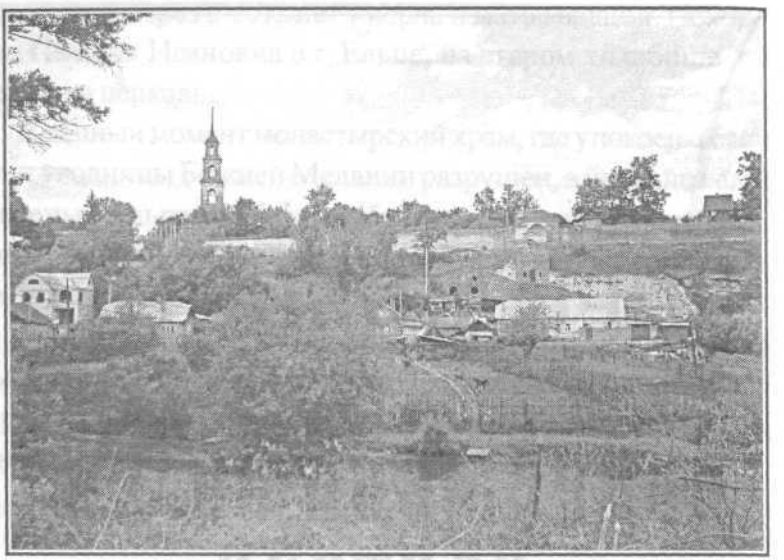
Угодница Мелания! Помолись у Престола Пресвятыя Троицы за нас, грешных. Поклонись Пречистой Богородице Деве Марии и попроси Ее милосердия к нам, погибающим в искушениях сатанинских.

3 марта 1980 года.

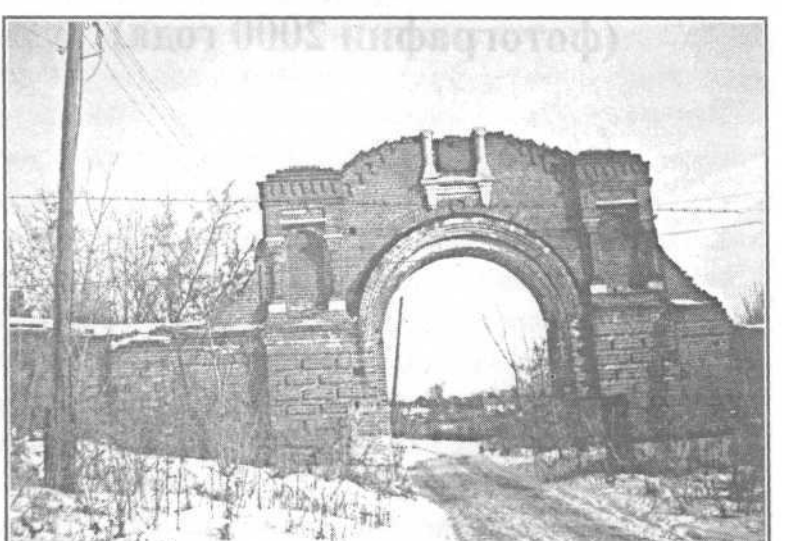
ПРИЛОЖЕНИЕ

СОВРЕМЕННЫЙ ВИД ОБИТЕЛИ

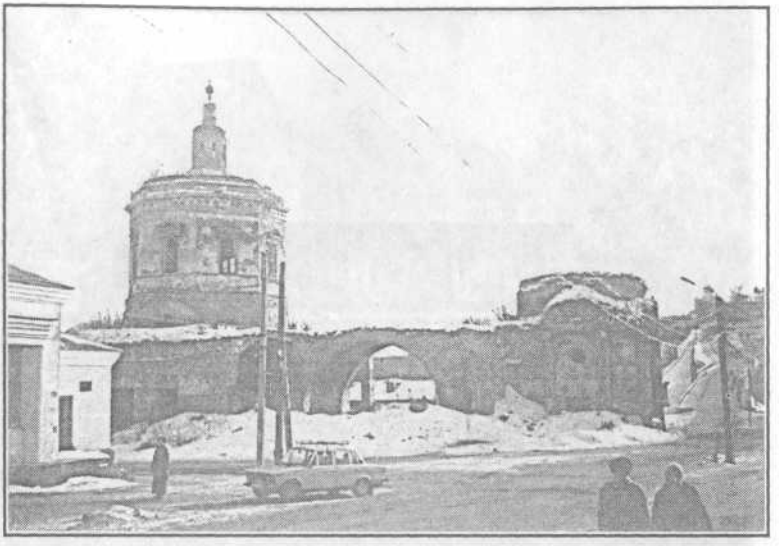
(фотографии 2000 года)



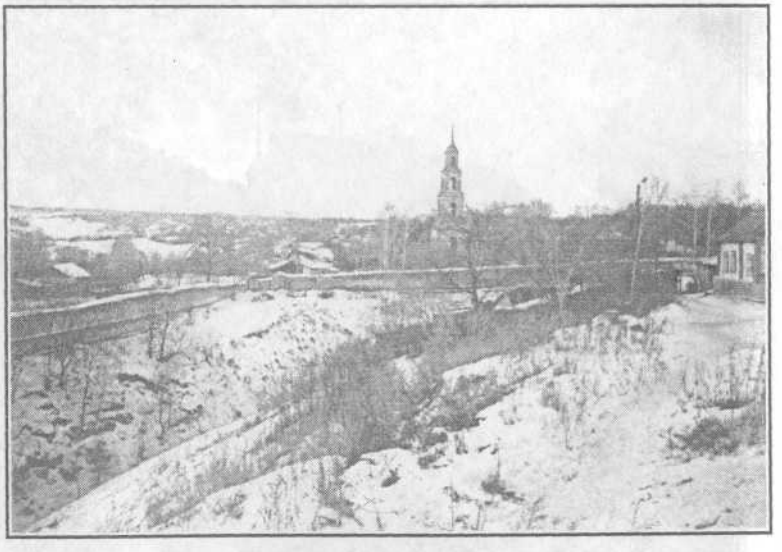
Общий вид (фасад) монастыря с лестницей и колокольней



Врата монастыря. Вход со стороны города.

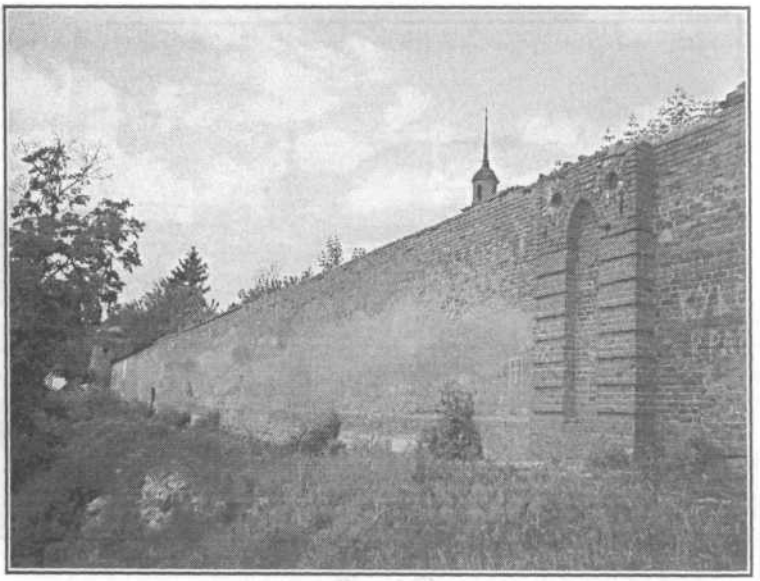


Храм преп. Сергия
(в нем крестился преп. Нектарий Оптинский)



Общий вид

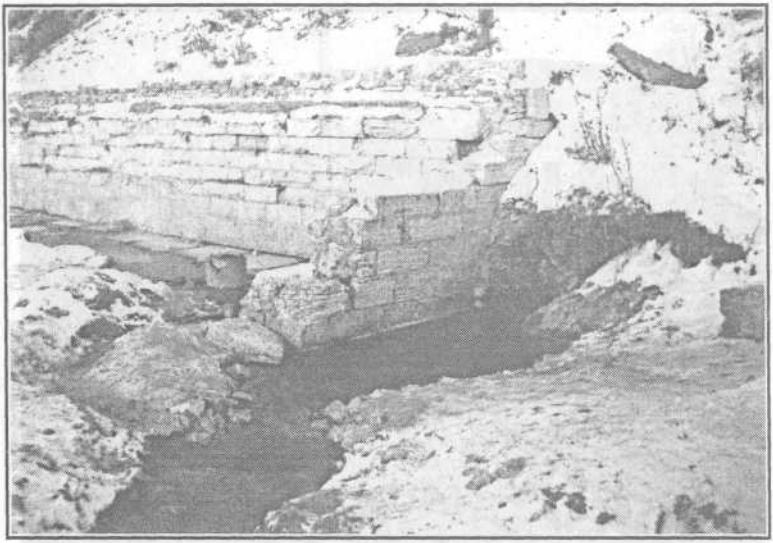
Дом игумении



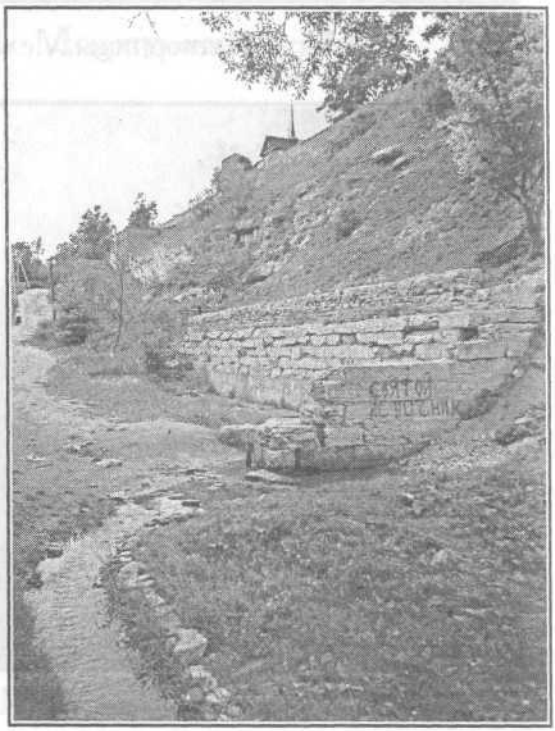
Монастырская стена

Могила затворницы Мелании

Келии

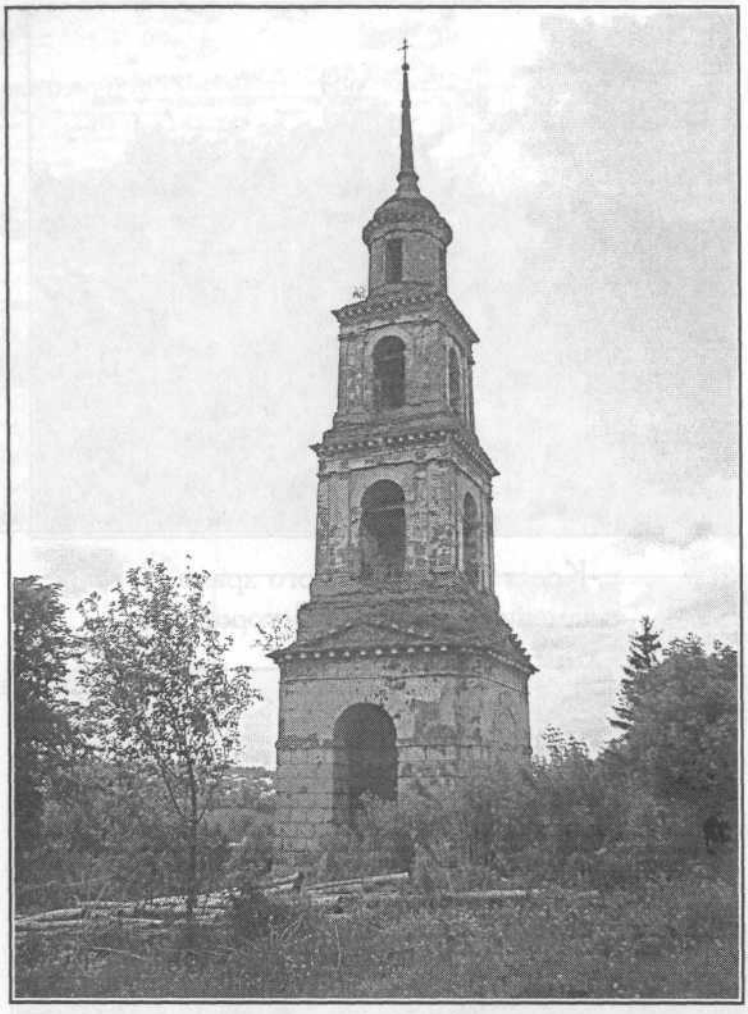


Виды на святой источник



Крест у разрушенного храма
Знамения Пресвятой Богородицы

Врата монастыря. Вход со стороны источника.



Колокольня монастыря